

ЛЕГАЛЬНАЯ СЛЕЖКА

ЛОГАН УОРД

Легальная слежка

Логан Уорд

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Первые строки кода

Глава 2. Добрая соседка

Глава 3. Слова о безопасности

Глава 4. Искусство монтажа

Глава 5. Экспертное мнение

Глава 6. Пакет данных

Глава 7. Исключение из правил

Глава 8. Историческая справка

Глава 9. Границы возмущения

Глава 10. Судебный процесс

Глава 11. Тотальный порядок

Пролог

Тишина в серверной комнате правительственного дата-центра никогда не бывает абсолютной. Это ровный, низкий гул охлаждающих установок, похожий на дыхание огромного, спящего под землей зверя. Ева Левина любила этот звук. В нем была предсказуемость. В нем был идеальный, математически выверенный порядок.

Свет от монитора выхватывал из полумрака ее бледное лицо. На экране бесконечными столбцами бежали строки кода и массивы данных. Имена, геолокации, транзакции, обрывки телефонных разговоров, поисковые запросы. Для Евы, ведущего лингвиста-аналитика закрытого проекта «Эгида», это не были живые люди. Это был цифровой шум, который ее программа должна была превратить в чистый сигнал. Сигнал, предупреждающий об опасности. Официально они искали террористов. Тех, кто готовит взрывы, кто покупает компоненты для бомб, кто вербует смертников в даркнете.

Ева нажала клавишу ввода, запуская новую итерацию проверки. Программа, обученная на терабайтах юридических текстов, судебных решений и экспертных заключений, должна была выявить скрытые угрозы. На экране всплыло окно с красной рамкой. Совпадение: 98.7%.

Ева придвинулась ближе. Она ожидала увидеть схему перевода денег на подставные счета или зашифрованную переписку радикалов. Но на экране был профиль женщины. Софья Руденко, 42 года, преподаватель по классу фортепиано в детской музыкальной школе. В графе «подозрительная активность» значились: регулярные встречи с группой лиц по четвергам, покупка двадцати экземпляров одной и той же книги, использование в телефонных разговорах слов «брат», «служение» и «истина».

Ева нахмурилась. Это была ошибка. Сбой в логике программы. Она открыла консоль, чтобы вручную скорректировать веса параметров, но вдруг ее взгляд зацепился за источник, на который ссылалась нейросеть при принятии решения. Это был не современный закон о противодействии терроризму. Это был архивный документ, интегрированный в обучающую базу. Индекс: RMDI-1933.

Ева ввела запрос на расшифровку индекса. На экране медленно, словно нехотя, проступил текст на немецком языке, сопровождаемый автоматическим переводом. Циркуляр Министерства внутренних дел. Подпись: Вильгельм Фрик.

В этот момент гул серверов показался ей не дыханием зверя, а звуком тысяч марширующих сапог.

Берлин, 1933 год.

Запах старой бумаги и сургуча всегда успокаивал Якоба Вайса. В кабинете Имперского министерства внутренних дел было тепло и пахло пылью, той самой благородной пылью, которая оседает только на важных государственных документах. Якоб, молодой архивист с аккуратно зачесанными светлыми волосами, сидел за массивным дубовым столом. Перед ним лежала стопка чистых картонных карточек.

Его задача была простой, понятной и, как ему казалось, исключительно полезной для общества. Государство нуждалось в порядке. После хаоса Веймарской республики, после уличных боев и экономической разрухи, новый порядок казался глотком свежего воздуха. А порядок начинается с учета.

Якоб обмакнул перо в чернильницу. Он переписывал данные из полицейских отчетов и церковных книг в новую, унифицированную картотеку. Имя. Фамилия. Год рождения. Профессия.

Вчера начальник отдела, герр Штраубе, положил на стол Якоба новую инструкцию.

— Вайс, — сказал он, похлопывая по стопке бумаг. — После декрета «О защите народа и государства» и новых распоряжений министерства нам нужно расширить классификацию. Государство должно знать, кто есть кто. Для нашей же безопасности.

Якоб посмотрел на новую форму карточки. Там появились две новые графы: «Религия/Конфессия» и «Политическая благонадежность».

— Просто переносить данные, герр Штраубе? — уточнил Якоб. — Именно, мой мальчик. Никакой самостоятельности. Только факты. Мы просто наводим порядок в документах.

Якоб взял первую анкету. «Исаак Розенберг. Часовщик. Религия: иудей. Состоит в социал-демократическом профсоюзе». Якоб аккуратным, каллиграфическим почерком перенес эти данные на картонную карточку. Он не думал о том, что будет с этим часовщиком завтра. Он не думал о том, что эта карточка станет первым шагом к тому, чтобы лишить Розенберга права чинить часы, затем — права ходить по определенным улицам, а затем — права на жизнь.

Якоб Вайс просто делал свою работу. Он наводил порядок. Он поставил аккуратный штамп в правом верхнем углу и отложил карточку в стопку «Обработано».

Ева смотрела на экран. Индекс RMDI-1933. Декрет рейхспрезидента «О защите народа и государства», подписанный Гинденбургом и контрассигнованный Гитлером, Фриком и Гюртнером. Почему современная российская программа, созданная для поиска террористов, опирается на логику нацистского министра внутренних дел?

Она открыла логи обучения. Кто-то загрузил в базу данных исторические архивы, чтобы нейросеть научилась распознавать паттерны «внутренней угрозы». Программа проанализировала, как исторически государства выявляли неблагонадежных граждан, и нашла идеальную, математически безупречную модель. Модель, в которой угрозой объявлялся не тот, кто совершает преступление, а тот, кто думает иначе, верит иначе, говорит иначе.

Ева почувствовала холодок, пробежавший по спине. Она посмотрела на профиль Софьи Руденко. Программа уже присвоила ей статус «Угроза 3 уровня». Это означало автоматическое формирование заявки на оперативный контроль: подготовку запроса на санкционированное прослушивание, расширенный анализ доступных финансовых данных и сбор сведений о родственниках.

— Что ты делаешь? — раздался голос за спиной.

Ева вздрогнула и быстро свернула окно. В дверях стоял Максим Орлов, куратор проекта от службы безопасности. Его лицо в полумраке казалось высеченным из камня.

— Проверяю ложноположительные срабатывания, — ровным голосом ответила Ева. — Программа пометила учительницу музыки как потенциального террориста. Это сбой.

Максим подошел ближе, опираясь руками на спинку ее кресла. Он посмотрел на пустой рабочий стол на экране. — Ева, — мягко сказал он. — Программа не дает сбоев. Она видит то, чего не видим мы. Если она говорит, что эта женщина — угроза, значит, так оно и есть. Наша задача — не сомневаться в коде. Наша задача — защищать общество.

Он похлопал ее по плечу и вышел из серверной. Ева осталась одна. Она снова развернула профиль Софьи. В правом верхнем углу экрана мигал красный индикатор. Цифровой штамп был поставлен. Государство начало слушать. И Ева знала, что это только начало. Порядок должен быть установлен.

Глава 1. Первые строки кода

Холодный флуоресцентный свет заливал просторное помещение аналитического отдела закрытого правительственного центра «Эгида». Ева Левина сидела перед тремя мониторами, и ее пальцы замерли над клавиатурой. Как ведущий лингвист проекта, она отвечала за семантическое ядро цифровой платформы. Ее задачей было научить нейронную сеть отличать обычную человеческую речь от скрытых угроз, выявлять в терабайтах переписок, звонков и поисковых запросов те самые слова, которые предшествуют реальному насилию.

Но сегодня программный комплекс вел себя странно.

На центральном экране разворачивалось дерево вероятностей. Красные ветви индикаторов тревоги пульсировали, указывая на профили людей, которые никогда не держали в руках оружия, не искали в сети инструкции по сборке взрывных устройств и не переводили деньги запрещенным группировкам. Ева открыла детализацию одного из таких профилей. Женщина, сорок два года, преподаватель музыки. Уровень угрозы: критический.

Ева вчиталась в маркеры, которые вычислительная модель сочла достаточными для постановки гражданки на оперативный контроль. Первым пунктом значилась покупка литературы. Женщина заказала в интернет-магазине двадцать одинаковых книг религиозного содержания. Вторым пунктом шли регулярные встречи: геолокация ее телефона каждую неделю в вечернее время четверга фиксировалась по одному и тому же адресу, в квартире на окраине города, где одновременно собирались еще пятнадцать человек. Третьим маркером был лингвистический анализ аудиоперехватов: в телефонных разговорах объект часто использовала слова «служение», «истина», «братья и сестры».

Для Евы, специалиста по анализу текста, это был очевидный контекстуальный абсурд. Слово «брат» в криминальной среде и в религиозной общине имеет совершенно разную прагматику. Покупка двадцати книг — это не закупка компонентов для теракта, это просто обеспечение литературой небольшой группы единомышленников. Ненасильственное поведение, мирные собрания, частная вера — все это цифровая платформа внезапно начала классифицировать как признаки экстремизма.

Ева открыла консоль управления, чтобы проверить весовые коэффициенты в настройках нейросети. Кто-то вручную изменил параметры оценки. То, что раньше считалось фоновым шумом повседневной жизни, теперь получило статус маркера государственной измены. Она скопировала логи в защищенную папку, распечатала несколько страниц с графиками и решительно поднялась из-за стола. Ей нужно было поговорить с кураторами проекта. Ошибка такого масштаба могла стоить свободы десяткам случайных людей.

Берлин, апрель 1933 года.

Якоб Вайс, молодой архивист с безупречно ровным пробором светлых волос, аккуратно промокнул чернила на свежей карточке пресс-папье. В его движениях была та особая, выверенная ритмичность, которая отличает человека, искренне любящего свою работу.

За окном шумел весенний Берлин. Город, который десять лет назад пережил чудовищную гиперинфляцию, когда за буханку хлеба отдавали тачки

обесцененных бумажных марок, а в последние годы задыхался от уличных боев, политических убийств и экономической разрухи, теперь обретал долгожданную стабильность. Якоб помнил этот хаос Веймарской республики. Он помнил страх перед завтрашним днем. И поэтому сейчас, сидя за массивным дубовым столом, он чувствовал себя не просто клерком, а строителем нового, надежного фундамента для своей страны.

Накануне начальник отдела положил перед ним стопку новых бланков. Циркуляр министра внутренних дел Вильгельма Фрика требовал немедленной реорганизации учета населения.

— Государство должно знать своих граждан, Вайс, — сказал тогда начальник, постукивая пальцем по краю стола. — Порядок начинается с ясной картины. Мы не можем строить будущее вслепую.

Якоб взял следующий бланк. Внешне он почти не отличался от старых переписных листов, но в правой части появились две новые графы, обведенные жирной черной рамкой. Первая гласила: «Происхождение». Вторая: «Политическая благонадежность».

Перед Якобом лежала пухлая папка с личными делами сотрудников берлинских судов и университетов. Седьмого апреля был принят Закон о восстановлении профессиональной государственной службы. Официальная пресса писала, что это необходимая мера для очищения государственного аппарата от коррупции и некомпетентности. Чтобы закон заработал, нужны были данные.

Якоб открыл дело профессора права из Берлинского университета. Имя: Альберт Мейер. В графу «Происхождение» Якоб каллиграфическим почерком вписал: «неариец». В графу «Политическая благонадежность»: «состоял в социал-демократической партии, неблагонадежен».

Он отложил заполненную карточку в стопку готовых документов. Якоб искренне верил, что его бумажная работа — это просто статистика, необходимая для стабильности государства. Он не выносил приговоров, не увольнял людей, не стоял с оружием на улицах. Он лишь приводил информацию в порядок. Математическая точность, классификация, учет — в этом не было ничего

преступного. Любое современное государство имеет право знать, кто работает в его учреждениях.

Следующий документ касался Закона против переполненности немецких школ и университетов, принятого двадцать пятого апреля. Якобу поручили высчитать квоты для учебных заведений его района. Не более полутора процентов «неарийцев» среди вновь принимаемых учащихся и студентов и не более пяти процентов в общем составе школ и вузов. Он взял логарифмическую линейку. Цифры складывались в стройные колонки. Пять процентов от тысячи учеников — это пятьдесят человек. Значит, всех сверх установленной доли нужно исключить или не принять. Якоб записал результат. Для него это была просто математическая задача, элегантно решенная на листе плотной бумаги. Он не думал о детях, которые завтра не смогут войти в свои классы. Он видел только идеальный порядок цифр.

Шаги Евы гулко отдавались в пустом коридоре. Центр «Эгида» располагался в здании бывшего научно-исследовательского института, переоборудованного под нужды цифровой безопасности. Стекланные перегородки, матовые двери с электронными замками, камеры под потолком — пространство было спроектировано так, чтобы исключить любые слепые зоны.

Она приложила пропуск к считывателю на двери кабинета Максима Орлова. Замок тихо щелкнул. Орлов, куратор проекта от службы безопасности, стоял у панорамного окна, глядя на серые коробки спальных районов. Услышав шаги, он обернулся. Его лицо, как всегда, ничего не выражало — ни удивления, ни раздражения.

— Ева, — кивнул он, указывая на кресло. — Чем обязан?

Ева положила распечатки на его идеально чистый стол.

— Нейросеть выдает критические ошибки, Максим. Я проанализировала утренние логи. Программный комплекс начал помечать мирных граждан как угрозу высшего уровня. Покупка религиозной литературы, регулярные встречи с друзьями, использование специфической лексики — все это теперь классифицируется как экстремизм. Кто-то изменил весовые коэффициенты в обучающей выборке.

Орлов не стал смотреть на бумаги. Он медленно подошел к столу, налил воду из графина в стакан и сделал глоток.

— Никто не менял коэффициенты тайно, Ева. Это плановое обновление протоколов безопасности.

Ева почувствовала, как внутри закипает глухое раздражение.

— Плановое обновление? Максим, мы создавали эту платформу для поиска террористов. Для выявления тех, кто готовит реальные преступления. Женщина, которая покупает двадцать книг для своей общины, не собирается взрывать метро. Это ненасильственное поведение. Если мы начнем следить за каждым, кто собирается по четвергам читать молитвы, мы утопим аналитический отдел в информационном мусоре.

Орлов сел в кресло и сцепил пальцы в замок.

— Ты мыслишь категориями прошлого века, Ева. Ждать, пока человек совершит преступление, или начнет искать взрывчатку — это непозволительная роскошь. Когда он вводит в поисковик слово «гексоген», уже слишком поздно. Наша задача — работать на опережение.

Он подался вперед, и его голос стал тише, приобретя жесткие, металлические нотки.

— Мы внедряем превентивный мониторинг. Это новая концепция безопасности. Мы должны выявлять не само преступление, а ту среду, в которой оно может созреть. Изоляция от общества, создание закрытых групп, фанатичная преданность идее, использование специфического сленга, деление мира на «своих» и «чужих» — это маркеры. Сегодня они читают книги в закрытом кругу, а завтра их лидер скажет им, что государство — это враг. Превентивный мониторинг позволяет нам взять ситуацию под контроль до того, как прольется кровь.

— Но это нарушение базовой логики права! — возразила Ева. — Вы оправдываете слежку за теми, кто еще ничего не совершил. Вы наказываете за потенциальную возможность, за образ мыслей. Программа не видит разницы между религиозным кружком и радикальной ячейкой, потому что вы стерли эту разницу в настройках.

— Разницу определит следователь, — спокойно ответил Орлов. — Задача твоей нейросети — дать нам сигнал. А мы уже разберемся, кто перед нами: безобидная учительница музыки или фанатичка, готовая на все ради своей веры. Возвращайся к работе, Ева. И постарайся оптимизировать лингвистические фильтры под новые задачи. Нам нужно больше данных.

Ева вышла из кабинета с тяжелым чувством. Слова Орлова о «превентивном мониторинге» звучали гладко, логично, почти заботливо. Государство просто хочет защитить своих граждан. Но как лингвист, она знала: когда меняется язык официальных директив, неизбежно меняется и реальность.

Вместо того чтобы вернуться в серверную, Ева спустилась на цокольный этаж, где располагался физический архив центра. Несмотря на тотальную цифровизацию, некоторые базовые документы, на которых обучалась первая версия нейросети, хранились здесь в бумажном виде. Ей нужно было понять, откуда взялась эта концепция постепенного расширения контроля. Кто заложил эту логику в основу их работы?

Она прошла между стеллажами, вдыхая запах старой бумаги, который странным образом контрастировал с высокотехнологичной начинкой здания. Найдя нужную полку с материалами по социальной психологии и историческому анализу тоталитарных обществ — именно эти тексты использовались для обучения сети распознаванию паттернов массового поведения, — Ева вытащила тяжелую папку.

Она открыла документ, озаглавленный как «Анализ социальной резистентности». Текст был сухим, академичным, но от его содержания веяло холодом.

«Психика здорового человека противится любым актам насилия по отношению к кому бы то ни было, — читала Ева. — Это защитный процесс, заложенный в человеческой природе. Поэтому личность и общество в целом протестуют против насилия и несправедливости. Однако история знает периоды, когда социальный “иммунитет” к несправедливости давал сбой».

Ева перевернула страницу. В тексте подробно разбирался так называемый «синдром варящейся лягушки». Метафора была точной: если репрессии

вводятся не резко, а поэтапно, общество успевает к ним адаптироваться и перестает воспринимать каждый новый шаг как катастрофу.

«В 1933–1939 годах нацистские органы издали более четырехсот законов, указов и постановлений, прежде всего ограничивавших права евреев, планомерно исключавших определенные группы из государственной службы, экономики, культуры и общественного пространства. Взятый в отдельности, каждый декрет мог казаться “терпимым” или “необходимым”, но в совокупности они вели к полному бесправию. Историки отмечают, что если бы политика исключения началась сразу с крайних мер, это с большой долей вероятности вызвало бы открытый шок и сопротивление даже среди лояльных граждан. Постепенная эскалация позволила обойти естественные моральные барьеры общества».

Ева закрыла папку. Пазл в ее голове сложился, хотя картина оказалась пугающей. Программный комплекс «Эгида» не просто искал террористов. Он был запрограммирован на постепенное, поэтапное расширение границ нормы. Сегодня сеть помечает покупку книг. Завтра она пометит тех, кто эти книги обсуждает. Послезавтра — тех, кто просто стоит рядом.

Превентивный мониторинг Орлова не был защитой от терроризма. Это был инструмент постепенного приучения общества к тому, что государство имеет право знать всё. Шаг за шагом. Графа за графой. Строка кода за строкой кода.

В Берлине вечерело. Якоб Вайс аккуратно сложил письменные принадлежности, протер перо и закрыл чернильницу. Рабочий день был окончен. На краю его стола возвышалась ровная, идеально выверенная стопка заполненных карточек. Сотни имен, сотни судеб, аккуратно рассортированных по новым графам «происхождение» и «политическая благонадежность».

Якоб надел пиджак, поправил галстук и посмотрел на плоды своего труда. Он чувствовал глубокое удовлетворение. Хаос отступал. На смену неразберихе приходил строгий, документально подтвержденный порядок. Завтра эти карточки отправятся в другие ведомства. На их основе будут приниматься решения, издаваться новые приказы, формироваться списки.

Он выключил настольную лампу. В полумраке кабинета белые прямоугольники картона казались светящимися кирпичиками, из которых

строилось новое, безопасное будущее. Якоб Вайс вышел в коридор, уверенный в том, что делает важное и абсолютно правильное дело. Он просто вел учет.

Ева стояла в полумраке архива, держа руку на холодной картонной обложке папки. Цифровая платформа, которую она помогала создавать, обучалась на этих исторических паттернах. Машина усвоила главный урок прошлого: чтобы подчинить общество, не нужно сразу применять силу. Нужно просто начать собирать данные, убедив всех, что это делается ради их же безопасности.

Она достала телефон и открыла удаленный доступ к рабочему терминалу. На экране светился профиль Софьи Руденко, преподавателя музыки. Красный индикатор угрозы продолжал пульсировать. Ева смотрела на этот цифровой ярлык, понимая, что прямо сейчас, в эту самую секунду, невидимые шестеренки государственной машины пришли в движение. И остановить их изнутри, просто поправив пару строк кода, уже не получится.

Глава 2. Хорошая соседка

Обычный городской ветер гнал по асфальту сухие листья и мелкий мусор. Ева плотнее запахнула пальто, глядя на близкую панельную многоэтажку на окраине спального района. В ее наушнике тихо играл джаз, заглушая шум проезжающих машин, но перед глазами все еще стояли красные строки кода из аналитического центра. Цифровой профиль Софьи Руденко, преподавателя музыки, пульсировал в памяти предупреждающими маркерами. Угроза третьего уровня. Экстремизм. Радикализация.

Ева приехала сюда не по служебной необходимости. Куратор проекта ясно дал понять: задача лингвиста — настраивать фильтры и обучать нейросеть, а не бегать по улицам за объектами оперативного контроля. Но Ева не могла просто сидеть перед мониторами. Ей нужно было увидеть эту женщину своими глазами. Доказать себе, что вычислительная модель ошиблась, что произошел сбой в логике оценки данных, который можно исправить.

Она стояла у чугунной ограды детской музыкальной школы номер семнадцать. Здание из красного кирпича выглядело уставшим, но ухоженным. Из приоткрытых окон второго этажа доносились нестройные звуки гамм и обрывки фортепианных пьес. Ева сверила время на часах. По расписанию, которое программа заботливо вытянула из базы данных образовательного учреждения, уроки Руденко заканчивались в пятнадцать тридцать.

Дверь школы скрипнула, и на крыльцо высыпала стайка детей с рюкзаками и папками для нот. Следом за ними вышла женщина. Ева сразу узнала ее по фотографии из базы, хотя в жизни Софья выглядела иначе. На цифровом снимке, сделанном камерой уличного наблюдения, ее лицо казалось плоским, напряженным, с резкими тенями. Сейчас же перед Евой стояла обычная, немного уставшая женщина лет сорока, в простом сером пальто и с объемной сумкой, из которой торчали края нотных тетрадей. Она улыбалась, поправляя шарф одному из учеников, и что-то тихо говорила его подошедшей матери.

Ева сделала глубокий вдох, натянула на лицо приветливую улыбку и шагнула навстречу. Легенда была готова заранее.

— Простите, пожалуйста, — Ева подошла ближе, держа в руках планшет. — Вы не уделите мне пару минут? Я из независимого центра социологических исследований. Мы проводим опрос жителей района о качестве городской среды и уровне безопасности.

Софья остановилась. В ее глазах не было ни подозрительности, ни страха — только легкое удивление и готовность помочь.

— Ой, вы знаете, я обычно не участвую в таких вещах, — мягко произнесла она. Голос у нее был глубокий, с приятными бархатными интонациями, свойственными людям, привыкшим много говорить с детьми. — Но если это быстро... Вы совсем замерзли, у вас руки красные.

Ева действительно замерзла, но эта внезапная бытовая забота со стороны «угрозы третьего уровня» сбила ее с толку.

— Все в порядке, спасибо, — Ева включила диктофон на планшете, хотя программа в ее телефоне и так уже писала каждое слово, автоматически отправляя аудиопоток на серверы для семантического анализа. — Скажите, как давно вы живете в этом районе?

— Почти десять лет, — Софья перехватила тяжелую сумку поудобнее. — С тех пор как переехала. Здесь тихо, школа рядом.

— Вы чувствуете себя в безопасности, возвращаясь домой по вечерам? — Ева задавала стандартные вопросы, внимательно наблюдая за мимикой собеседницы.

— Вполне. У нас хорошие соседи. Знаете, люди часто жалуются на отчужденность в больших городах, но мне кажется, все зависит от нас самих. Если ты открыт к людям, если стараешься нести мир, то и вокруг становится светлее.

Ева мысленно вздрогнула. Слово «мир». В контексте обучающей выборки, загруженной в правительственную нейросеть, частые рассуждения о «мире», «свете» и «духовности» в сочетании с регулярными собраниями классифицировались как признак сектантского мышления, отрыва от реальности и потенциальной нелояльности государству.

— Вы часто общаетесь с соседями? Собираетесь вместе? — Ева закинула удочку, подбираясь к главному маркеру — встречам по четвергам.

— Да, конечно, — лицо Софьи просветлело. — У нас есть небольшая группа друзей. Мы собираемся, читаем вместе, поем. Знаете, в наше время так важно иметь место, где можно просто поговорить о душе, о Боге, поддержать друг друга. Без политики, без агрессии. Просто быть вместе.

Она говорила это так просто и искренне, что Еве стало физически не по себе. Перед ней стояла добрая, открытая женщина. Не фанатичка. Не террористка. Обычная учительница музыки, которая нашла утешение в небольшой религиозной общине.

— Спасибо вам большое за ответы, — Ева опустила планшет. — Вы очень помогли.

— Берегите себя, — Софья тепло улыбнулась. — И выпейте горячего чая, правда. Простудитесь.

Она повернулась и неспешно пошла вдоль улицы, шурша осенними листьями. Ева смотрела ей вслед. В кармане вибрировал телефон. Нейросеть закончила экспресс-анализ записанного разговора. На экране светилось

уведомление: «Подтверждение паттерна. Объект использует лексику вовлечения. Рекомендовано усиление контроля».

Ева закрыла глаза. Сухие данные в профиле не имели ничего общего с живым человеком. Но для государственной машины этот человек уже перестал существовать. Остался только набор триггеров и маркеров.

Берлин, май 1933 года.

Весеннее солнце заливало широкие проспекты Шарлоттенбурга, отражаясь в витринах магазинов и окнах дорогих квартир. Якоб Вайс шел неспешным шагом, наслаждаясь теплом и запахом цветущих лип. В его правой руке был зажат потертый кожаный портфель, внутри которого лежала стопка картонных карточек.

Сегодняшнее задание отличалось от привычной кабинетной рутины. Обычно Якоб работал с готовыми полицейскими отчетами и выписками из домовых книг, аккуратно перенося данные в новые графы «происхождение» и «политическая благонадежность». Но иногда в документах обнаруживались пробелы. Государственный учет не терпел пустоты. Если информация была неполной, ее следовало уточнить на месте.

В портфеле лежала карточка на имя Элиаса Штерна, врача-педиатра. В графе «вероисповедание» стоял прочерк, а девичья фамилия его жены, Марты, была написана неразборчиво. Для нового порядка, который стремительно выстраивался в стране, эти детали имели критическое значение. От них зависело, сможет ли доктор Штерн продолжать частную практику, лечить арийских детей и состоять в профессиональных союзах.

Якоб остановился перед красивым четырехэтажным домом с лепниной на фасаде. Сверился с адресом. Все верно. Он толкнул тяжелую дубовую дверь и поднялся на второй этаж. Начищенная медная табличка гласила: «Доктор медицины Э. Штерн. Приемные часы: 9:00 – 14:00».

Якоб нажал на кнопку звонка. Где-то в глубине квартиры раздалась мелодичная трель.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти, с аккуратно уложенными седыми волосами и добрыми, но слегка уставшими глазами. На ней было строгое темное платье с белым кружевным воротничком.

— Добрый день, — Якоб вежливо приподнял шляпу. — Фрау Штерн? Меня зовут Якоб Вайс, я из Имперского министерства внутренних дел. Отдел статистики и учета населения. Мне нужно задать вашему супругу несколько уточняющих вопросов для уточнения учетных данных перед предстоящей переписью.

Женщина на мгновение замерла. В ее глазах мелькнула тень — не страх, а скорее инстинктивная настороженность, которая в последние месяцы стала привычной для многих жителей Берлина. Но она быстро взяла себя в руки.

— Да, конечно. Проходите, пожалуйста. Элиас сейчас в кабинете, у него нет пациентов.

Якоб переступил порог и оказался в просторной, залитой светом прихожей. В квартире пахло мастикой для паркета, старыми книгами и свежесваренным кофе. Это был запах благополучного, устроенного быта, запах интеллигентного дома, который Якоб, выросший в тесной квартирке на окраине, всегда подсознательно уважал.

Фрау Штерн провела его в гостиную. Вдоль стен тянулись высокие книжные шкафы, на круглом столе лежала кружевная скатерть, а в углу тихо тикали напольные часы.

— Присаживайтесь, герр Вайс, — сказал вышедший навстречу высокий, сутулый мужчина в очках с толстыми стеклами. Доктор Штерн. — Чем могу быть полезен?

Якоб сел на краешек мягкого кресла, открыл портфель и достал карточку.

— Это простая формальность, герр доктор. В ваших документах отсутствуют некоторые данные, необходимые для новой классификации.

— Новой классификации, — эхом отозвался Штерн, садясь напротив. Он снял очки и принялся протирать их платком. — Понимаю. Спрашивайте.

— Ваше вероисповедание? В домовоей книге указано, что вы не посещаете синагогу.

— Я светский человек, герр Вайс. Ученый, врач. Мои родители были иудеями, но сам я давно отошел от религии.

Якоб кивнул и аккуратно вывел в графе «происхождение»: «неариец, еврей».

В этот момент в гостиную вошла Марта Штерн. В руках она несла небольшой серебряный поднос, на котором стояли две фарфоровые чашки с дымящимся кофе и тарелочка с домашним печеньем.

— Вы, должно быть, устали ходить по домам, герр Вайс, — мягко сказала она, ставя поднос на стол. — Угощайтесь. Кофе только что сварен.

Якоб почувствовал острый укол дискомфорта. Он пришел сюда как представитель государства, как винтик огромной бюрократической машины, чтобы повесить на этих людей ярлык, который неизбежно усложнит им жизнь. А они предлагают ему кофе. Они ведут себя с ним как с гостем.

— Спасибо, фрау Штерн, но я при исполнении... — начал было он, но запах кофе был слишком соблазнительным, а улыбка женщины — слишком искренней.

— Глоток кофе не повредит государственной службе, — мягко настоял доктор Штерн.

Якоб взял чашку. Тонкий фарфор приятно грел пальцы. Он сделал глоток, чувствуя, как внутри нарастает странное противоречие. Перед ним сидели образованные, вежливые, добрые люди. Врач, который, возможно, спас сотни детских жизней. Его заботливая жена. Их дом дышал культурой и покоем. Но на картонной карточке, лежащей на столе, они превращались в сухие строчки, в статистическую погрешность, в элемент, чуждый новому порядку.

— Девичья фамилия вашей супруги? — спросил Якоб, стараясь, чтобы голос звучал максимально официально и отстраненно.

— Розенталь, — ответил доктор.

Якоб вписал фамилию. Все было ясно. Оба супруга подпадали под действие новых ограничительных декретов.

— Благодарю вас, — Якоб поспешно допил кофе, чувствуя, что больше не может оставаться в этой уютной гостиной. Ему хотелось вернуться в свой

кабинет, к безликим бумагам, где не было ни запаха выпечки, ни добрых глаз, ни фарфоровых чашек. Там, среди папок и штампов, все было логично и правильно. Здесь же, столкнувшись с живыми людьми, стоящими за его карточками, он ощутил мимолетную, но пугающую тяжесть.

Он попрощался, сухо поклонился и вышел на улицу. Весеннее солнце все так же светило, но Якобу вдруг стало зябко. Он спрятал карточку глубоко в портфель, стараясь не думать о том, что будет с доктором Штерном, когда этот кусок картона ляжет на стол чиновника из министерства здравоохранения. Он просто делал свою работу. Уточнял данные.

Вечер опустился на город тяжелым серым покрывалом. Ева сидела в арендованном каршеринговом автомобиле, припаркованном в соседнем дворе от дома Софьи Руденко. Двигатель был заглушен, чтобы не привлекать внимания, и в салоне становилось холодно. На коленях Евы лежал открытый ноутбук, подключенный к защищенному каналу связи.

Сегодня был четверг. День, который вычислительная сеть пометила как время регулярных собраний «экстремистской ячейки».

Ева смотрела на экран, где отображалась карта района. Красные точки — сигналы мобильных телефонов — медленно стягивались к одному адресу. Квартира на первом этаже. Она подняла взгляд. Окна нужной квартиры светились теплым желтым светом. Шторы были задернуты не до конца, и Ева, сидя в темной машине, могла видеть фрагменты происходящего внутри.

К подъезду подошел пожилой мужчина с тросточкой. Он тяжело поднялся по ступенькам и набрал код домофона. Через несколько минут появилась молодая пара — парень и девушка, держащиеся за руки. Девушка несла в пакете что-то похожее на домашний пирог. Затем подошли еще несколько человек. Обычные люди. Разного возраста, в разной одежде. Никто из них не оглядывался по сторонам, не прятал лиц, не вел себя как заговорщик.

Ева приоткрыла окно машины. Улица была тихой, и звуки из приоткрытой форточки на первом этаже долетали до нее вполне отчетливо.

Она ожидала услышать что угодно. Политические споры, призывы к сопротивлению, обсуждение планов, радикальные проповеди. То, что оправдало

бы красные маркеры на ее мониторе. То, что доказало бы правоту концепции превентивного мониторинга.

Но из окна донеслись звуки гитары. А затем — голоса. Они пели. Это была простая, мелодичная песня. Ева не могла разобрать всех слов, но отчетливо слышала повторяющийся припев о надежде, прощении и любви к ближнему. Голоса сливались воедино — чистые, спокойные, лишенные какой-либо агрессии.

После песни наступила тишина, а затем зазвучал голос Софьи. Она читала вслух. Ева включила компактный направленный микрофон, подключенный к рабочему планшету, и вывела звук на наушники.

«...ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия», — мягко, с расстановкой читала Софья. — «Поэтому не стыдись свидетельства... но страдай с благовестием Христовым силою Бога...»

Ева смотрела на экран ноутбука. Программа в реальном времени транскрибировала перехваченный аудиопоток. Слова «сила», «страдай», «свидетельство» мгновенно подсвечивались желтым. Нейросеть вырывала их из контекста древнего текста, прогоняла через словари современных радикальных группировок и выстраивала новые связи.

На глазах Евы статус собрания изменился. Индикатор в углу экрана мигнул и сменил цвет с оранжевого на насыщенный красный.

«Фиксация групповой активности. Признаки идеологической обработки. Формирование закрытой структуры», — выдала машина сухой вердикт.

Ева сняла наушники. В ушах снова зазвучала живая музыка — кто-то в квартире сел за фортепиано. Это была обычная жизнь. Люди, которые просто хотели быть вместе, читать свои книги и петь свои песни. Они не представляли угрозы ни для государства, ни для общества. Они были виноваты лишь в том, что их поведение не вписывалось в стандартные шаблоны, что они создали свое собственное, неподконтрольное пространство.

А государственная структура, обученная искать врагов, не терпела неподконтрольных пространств. Ева смотрела на светящееся окно. Там, за тонким стеклом, люди пили чай с пирогом и говорили о вечном. А здесь, в

холодной темноте салона, на экране ее ноутбука, их судьбы уже были переведены в цифровой код, классифицированы и приговорены.

Она закрыла ноутбук, отрезая себя от красного свечения индикаторов. Тишина в машине стала оглушительной. Ева завела двигатель, но не спешила трогаться с места. Она смотрела на окна квартиры на первом этаже, и в ее голове билась только одна мысль: если программа способна превратить этих мирных людей в опасных преступников, то кто на самом деле является угрозой?

Глава 3. Слова о безопасности

Ева Левина сидела в заднем ряду в зале заседаний, стараясь слиться с темно-синей обивкой кресла. Как технический консультант аналитического центра, она была направлена на эти открытые парламентские слушания с одной целью: понять семантическую и юридическую базу нового пакета законов, который вскоре должен был стать основой для обновления ее вычислительной сети.

На трибуне, освещенные ярким светом софитов телевизионных камер, выступали инициаторы законопроекта — депутат Ирина Яровая и сенатор Виктор Озеров. Их речь была выверена до последней запятой. Каждое слово падало в зал тяжелым, неоспоримым аргументом.

С трибуны звучали слова о том, что терроризм необходимо «разоружить», лишить его источников информации, каналов связи и финансирования. Закон, по словам его авторов, не должен был ущемлять права граждан — напротив, он подавался как дополнительная защита их жизни и безопасности.

Виктор Озеров, взявший слово следом, поддержал коллегу, делая акцент на необходимости превентивных мер и технологического контроля над коммуникациями, которые преступники используют для координации своих действий.

Ева открыла на планшете предварительный текст документа, который пресса уже окрестила «пакетом Яровой». Как лингвист, она привыкла препарировать тексты, отделяя эмоциональную оболочку от сухой прагматики. Риторика спикеров была безупречной: защита, безопасность, противодействие террору. Ни один нормальный человек не выступит против защиты человеческих жизней. Но юридические формулировки, скрытые за этими громкими словами, заставили Еву нахмуриться.

Законопроект вводил требование массового хранения коммуникационных данных пользователей. Операторы связи и интернет-провайдеры обязывались хранить содержание сообщений, звонков, изображений, звуков и видеозаписей пользователей в течение установленного законом срока, а сведения о фактах соединений и передачи сообщений — значительно дольше. Более того, компании должны были предоставлять государственным органам информацию, необходимую для декодирования электронных сообщений, если такая возможность была технически доступна.

Ева смотрела на эти строки, и в ее голове мгновенно выстраивалась архитектура будущих процессов. Для ее аналитической платформы этот закон был не просто расширением полномочий. Это был почти беспрецедентный по масштабу доступ к цифровой жизни каждого человека. Юридические формулировки нового закона идеально ложились в логику ее сети. Если раньше для постановки объекта на контроль требовалась санкция, основанная на конкретных подозрениях, то теперь государство получало возможность собирать огромные массивы данных обо всех по умолчанию. Презумпция невиновности в цифровом пространстве тихо прекращала свое существование.

Особое внимание Евы привлекла новая статья Уголовного кодекса — 205.6. Несообщение о преступлении. То, что в обществе тут же называли возвращением логики доносительства.

Она вчиталась в текст. Гражданин подлежал уголовной ответственности, если ему было «достоверно известно» о подготовке или совершении ряда преступлений, и он не сообщил об этом властям. Ева мысленно прогнала эту фразу через семантические фильтры. Что значит «достоверно известно»? Как вычислительная сеть должна оценивать степень достоверности чужого знания? Эта формулировка была настолько размытой, что позволяла интерпретировать

любой недосказанный разговор, любую прочитанную и не прокомментированную переписку как соучастие путем молчания.

В зале поднялся представитель крупной телекоммуникационной компании. Его голос дрожал от сдерживаемого возмущения.

— Уважаемые авторы законопроекта, — начал он, поправляя очки. — Вы требуете от нас хранить колоссальные объемы информации. Весь трафик страны. На сегодняшний день у операторов нет готовой инфраструктуры, способной обеспечить такие объемы хранения. Это колоссальные затраты, которые лягут на плечи абонентов. Но главное даже не в этом. Сегодня огромная доля интернет-трафика зашифрована самими сервисами. Мы будем хранить петабайты цифрового шума, который невозможно расшифровать. Какая в этом практическая польза для борьбы с терроризмом?

Его вопрос повис в воздухе. Ответ с трибуны был предсказуемо уклончивым, сводящимся к тому, что безопасность бесценна, а технические детали будут урегулированы подзаконными актами. Ева опустила глаза на экран планшета. Она знала, что представитель индустрии прав. Но она также понимала то, чего не произносили вслух: даже если содержание зашифровано, метаданные — кто, кому, когда и откуда писал — остаются видимыми. И для нейросети, выявляющей социальные связи и строящей графы контактов, этих метаданных более чем достаточно, чтобы нарисовать подробную карту общества.

Берлин, февраль 1933 года.

В кабинете Якоба Вайса на его столе лежал документ, который только что доставил курьер из канцелярии Имперского министерства внутренних дел. Документ был отпечатан на плотной бумаге и украшен государственным гербом.

Якоб аккуратно разгладил лист. Это был Указ рейхспрезидента «О защите народа и государства», подготовленный при непосредственном участии министра внутренних дел Вильгельма Фрика. Официальная пресса уже несколько дней трубила о необходимости жестких мер. Недавний пожар в Рейхстаге был объявлен сигналом к коммунистическому мятежу. Государство находилось в опасности, и ему требовались инструменты для самообороны.

Якоб начал читать текст указа. Его профессиональный взгляд архивиста сразу выхватывал суть из-под слоя политической риторики.

«На основании статьи 48 абзаца 2 Конституции Германской империи в целях отражения коммунистических, угрожающих государству насильственных действий постановляется следующее...»

Далее шел параграф первый. Якоб перечитал его дважды, чтобы убедиться, что правильно понял смысл. Указ приостанавливал действие семи ключевых статей Веймарской конституции. Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 объявлялись недействительными до дальнейшего уведомления.

Якоб прекрасно знал эти статьи. Это был фундамент гражданских свобод. Статья 114 гарантировала личную неприкосновенность. Статья 115 — неприкосновенность жилища. Но больше всего Якоба, как сотрудника ведомства, работающего с информацией, поразила отмена статьи 117. Тайна переписки, почтовых, телеграфных и телефонных сообщений перестала существовать.

Он посмотрел в окно, по улице маршировал отряд штурмовиков, их песня глухо доносилась сквозь двойные рамы. Якоб не испытывал страха или возмущения. Напротив, он чувствовал странное облегчение. До сих пор сбор информации о гражданах часто наталкивался на бюрократические и правовые преграды. Полиция запрашивала данные, а архивы и почтовые службы вынуждены были отказывать, ссылаясь на конституционные гарантии. Это создавало путаницу, замедляло работу, мешало наводить порядок.

Теперь же Вильгельм Фрик дал им ясный, недвусмысленный правовой инструмент. Все делалось исключительно ради безопасности. Ради защиты народа от террора.

На край стола легла папка с утренней почтой. Якоб открыл ее. Сверху лежал запрос из криминальной полиции на предоставление выписок из телеграфных сообщений некоего Генриха Мюллера, профсоюзного деятеля из района Веддинг. Еще неделю назад Якоб был бы обязан вернуть этот запрос с резолюцией об отказе, так как полиция не предоставила судебного ордера.

Но сегодня все изменилось. Якоб взял перьевую ручку, обмакнул ее в чернила и уверенно вывел на бланке: «Одобрено на основании Указа о защите народа и государства».

Он поставил свою подпись и приложил печать. В этот момент он не думал о том, что Генрих Мюллер может обсуждать в телеграммах здоровье больной матери или финансовые трудности семьи. Он не думал о том, что лишает человека права на частную жизнь. Якоб Вайс просто исполнял закон. Государство сказало, что для защиты от насилия ему нужно читать чужие письма. Значит, так было нужно. Правовая база была подведена, и бумажная машина могла работать без сбоев.

Слушания в Москве продолжались. На трибуну поднялся представитель Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека. В отличие от предыдущих ораторов, его тон был лишен пафоса. Он говорил сухо, опираясь на подготовленное экспертное заключение.

— Мы внимательно изучили предложенный пакет законопроектов, — произнес правозащитник, глядя в свои бумаги. — И вынуждены констатировать, что вводимое регулирование может повлечь несоразмерное ограничение конституционных прав граждан при сомнительной эффективности для противодействия терроризму.

Ева переключила вкладку на планшете, открывая полный текст заключения Совета, которое было разослано участникам слушаний. Эксперты указывали на вопиющие юридические противоречия. Особой критике подверглась та самая статья о недоносительстве. Правозащитник у микрофона пояснял суть правовой коллизии:

— Представьте ситуацию. Гражданину кажется, что его сосед ведет себя подозрительно. Если он не сообщит об этом, он рискует попасть под новую статью 205.6 за несообщение о преступлении. Но если он сообщит, а информация не подтвердится, правоохранительные органы могут привлечь его за заведомо ложный донос. Человек оказывается в ловушке. Эта норма не предотвращает терроризм, она создает почву для сведения личных счетов, манипуляций и вербовки осведомителей под угрозой уголовного преследования.

Ева слушала эти аргументы, параллельно открывая на планшете закрытую статистическую базу данных. Ей нужно было сопоставить публичную риторику с цифрами. Инициаторы закона утверждали, что пакет Яровой — это экстренный ответ на растущую угрозу.

Она вывела на экран графики из Global Terrorism Database — крупнейшей международной базы данных, фиксирующей террористические инциденты по всему миру. Ева наложила на них официальные отчеты российских правоохранительных органов за последние десять лет.

Кривые на графиках не оставляли пространства для простых выводов, но общая динамика была заметна. Пик террористической активности в стране пришелся на начало десятилетия. После этого, благодаря жесткой и системной работе спецслужб, количество реальных инцидентов начало в целом снижаться. К 2015 году, за год до внесения этого беспрецедентно жесткого пакета законов, уровень террористической угрозы находился на одной из самых низких отметок за многие годы.

Ева смотрела на падающую линию графика. Противоречие было оглушительным. Если динамика преступлений демонстрировала устойчивый спад, если спецслужбы успешно справлялись со своими задачами в рамках действующего законодательства, то чем была вызвана острая необходимость принятия самых суровых ограничительных мер в новейшей истории? Зачем требовалось вводить тотальную слежку за всем населением именно тогда, когда реальная угроза пошла на спад?

Ответ лежал на поверхности, но от него веяло холодом. Закон не был только ответом на терроризм. Терроризм был универсальным, безотказным словом-ключом, которое открывало двери для изменения самих правил игры.

Ева перевела взгляд на президиум. Ирина Яровая что-то тихо обсуждала с коллегой, удовлетворенно кивая. Они создали идеальную правовую оболочку. Оболочку, которая позволяла государству легально собирать данные о коммуникациях, маршрутах связи и социальных контактах миллионов граждан.

Для аналитического отдела, где работала Ева, этот день становился поворотным. До сих пор программисты и лингвисты балансировали на грани, пытаясь обосновать сбор данных оперативной необходимостью. Теперь эта

необходимость отпадала. Закон обязывал операторов связи хранить и предоставлять огромные массивы данных по запросу уполномоченных органов. Вычислительной платформе оставалось лишь проглотить этот бесконечный поток информации и начать искать в нем аномалии. А учитывая размытость формулировок вроде «содействие» или «недоносительство», аномалией могло стать что угодно.

В Берлине Якоб Вайс закончил сортировку вечерней почты. Стопка одобренных запросов на перлюстрацию писем и прослушивание телефонных разговоров заметно выросла. Указ Вильгельма Фрика работал безукоризненно. Он снял с чиновников бремя морального выбора и юридических сомнений.

Якоб закрыл сейф, повернул ключ и подошел к окну. На улице темнело. Зажигались газовые фонари, выхватывая из сумрака фасады зданий. Якоб чувствовал себя спокойно и уверенно. Государство защищало себя, а он был надежным инструментом этой защиты. Слова о безопасности, напечатанные на гербовой бумаге, обладали магической силой — они превращали нарушение тайны в гражданский долг.

Слушания в Москве подошли к концу. Участники потянулись к выходу, тихо переговариваясь. Ева Левина осталась сидеть в кресле. Экран ее планшета погас, отражая пустой зал. Она пришла сюда, чтобы понять, как новые законы повлияют на ее работу. И она поняла. Правовой барьер рухнул. Слова о защите от терроризма выполнили свою функцию — они усыпили бдительность общества, заставив его добровольно согласиться на прозрачность собственной жизни.

Ева провела пальцем по темному стеклу планшета. Завтра утром она вернется в свой кабинет в закрытом центре. Завтра она введет новые параметры в обучающую выборку. И вычислительная платформа, получив легальный доступ к коммуникационным данным миллионов людей, начнет свою тихую, невидимую работу, опираясь на закон, в котором безопасность стала синонимом тотального контроля.

Глава 4. Искусство монтажа

Мерцание трех широких мониторов в полумраке аппаратной создавало иллюзию погружения в глубоководный батискаф. Ева Левина сидела в углу на гостевом стуле, положив на колени рабочий планшет. Официально она находилась в здании крупнейшего федерального медиахолдинга для синхронизации правительственной аналитической платформы с цифровыми архивами телеканала. Ей требовалось настроить потоковую передачу текстовых расшифровок эфира в базу данных центра «Эгида». Процесс копирования терабайтов информации занимал время, и Ева стала невольным зрителем того, как конструируется реальность.

За главным пультом сидел режиссер монтажа, быстро перебирая пальцами по клавиатуре со специальными цветовыми метками. Рядом с ним, опираясь руками на спинку его кресла, стоял Глеб Морозов — звезда вечернего вещания, автор специальных расследований, чье лицо было знакомо каждому зрителю страны. В жизни он выглядел чуть старше и утомленнее, чем на экране, но его голос сохранял ту же бархатную, гипнотическую уверенность.

На центральном мониторе была открыта монтажная шкала. Десятки звуковых и видеодорожек наслаивались друг на друга, образуя пестрый цифровой слоеный пирог.

— Давай отмотаем на таймкод ноль-четыре-пятнадцать, — скомандовал Морозов, указывая ручкой на экран. — Там, где она говорит про отказ от мирского.

Режиссер послушно передвинул ползунок. На экране появилось зернистое, слегка дергающееся изображение. Ева сразу узнала интерьер. Это была та самая квартира на первом этаже, где по четвергам собиралась группа Софьи Руденко. Съемка велась скрытой камерой, судя по углу обзора — объектив был вмонтирован в пуговицу или сумку кого-то, кто сидел на диване напротив преподавательницы музыки.

Из динамиков полился чистый звук. Софья, улыбаясь, наливала чай в чашки и говорила: «Иногда бывает очень сложно сохранить веру, когда мир

вокруг так сосредоточен на материальном, на успехе любой ценой. Но мы должны уметь жертвовать своим комфортом ради духовного роста, ради помощи ближнему. В этом наша главная борьба».

Ева, как лингвист, автоматически разобрала фразу на семантические составляющие. Классический религиозный дискурс. Метафора духовной борьбы, концепция самоограничения, призыв к альтруизму. Абсолютно мирный, созидательный текст.

— Стоп, — Морозов щелкнул пальцами. — Отлично. Теперь режем. Убирай начало про веру и успех. Оставь кусок: «мир вокруг сосредоточен на материальном... мы должны жертвовать... ради нашей главной борьбы».

Режиссер сделал несколько быстрых кликов. Фраза сжалась, потеряв контекст.

— Звучит как-то пустовато, Глеб Викторович, — заметил монтажер. — Склейка слышна.

— Наложим перебивку. Дай крупный план ее лица, сделай легкий зум, чтобы казалось, что она надвигается на камеру. И уведи цвета в холодный спектр. Убери этот уютный желтый свет, добавь синего и серого. Нам нужна атмосфера подпольного собрания, а не чаепития у бабушки.

Изображение на экране мигнуло. Теплая, освещенная торшером комната внезапно превратилась в мрачное, зловещее помещение. Лицо Софьи, лишенное теплых оттенков, приобрело нездоровую бледность, а искусственное приближение камеры сделало ее улыбку пугающей, почти фанатичной.

— Теперь звук, — Морозов потер подбородок. — Подложи под ее слова низкочастотный гул. Знаешь, такой тревожный эмбиент, как мы делали в мартовском сюжете про финансовые пирамиды. Чтобы у зрителя сразу возникало чувство опасности.

Ева смотрела, как на монтажной шкале появилась новая звуковая дорожка. Режиссер запустил воспроизведение.

Теперь с экрана смотрела бледная женщина в мрачном помещении. Под глухой, вибрирующий гул, от которого слегка дрожала столешница, она

произносила рубленые фразы: «Мир вокруг сосредоточен на материальном... мы должны жертвовать... ради нашей главной борьбы».

Смысл изменился до неузнаваемости. Духовное самоограничение превратилось в намек на готовность к опасному противостоянию. Помощь ближнему исчезла. Остались только «жертва» и «борьба».

— Идеально, — удовлетворенно кивнул Морозов. — Завтра в прайм-тайм мы покажем стране скрытую сторону этой группы. Люди должны знать, кто живет с ними на одной лестничной клетке. Они прикрываются нотами и детскими песенками, а сами формируют закрытую среду и противопоставляют себя обществу.

Ева почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она видела исходник. Она знала правду. Но прямо на ее глазах, с помощью нескольких кликов мыши, цветокоррекции и звуковых фильтров, обычная женщина была превращена во врага государства. Морозов не искал террористов. Он создавал их образ в монтажной комнате, потому что эфирная сетка требовала рейтингов, а политическая повестка требовала новых угроз для оправдания жестких законов.

— Глеб Викторович, а юридически к нам не придерутся? — спросил режиссер, сохраняя проект. — Все-таки мы довольно жестко собрали фразу.

— Не придерутся, — усмехнулся телеведущий. — Мы используем оценочные суждения. Плюс, у нас есть комментарий приглашенного эксперта, который подтвердит деструктивный характер их собраний. Зритель не анализирует факты, он считывает эмоцию. Если мы дадим ему правильный контекст, он сам сделает нужный вывод.

Ева опустила глаза на свой планшет. Индикатор загрузки данных показывал девяносто девять процентов. Синхронизация завершалась. Завтра этот смонтированный сюжет уйдет в эфир, а послезавтра его текстовая расшифровка попадет в правительственную вычислительную сеть, которую Ева сама же и настраивала.

Берлин, июль 1933 года.

Летний зной плавил асфальт на Лейпцигер-штрассе. Якоб Вайс вышел из здания Имперского министерства внутренних дел во время обеденного перерыва. Ему хотелось немного пройтись, чтобы проветрить голову от бесконечных столбцов цифр, фамилий и дат рождения. Работа в отделе статистики становилась все более напряженной. Новые декреты требовали все более детальной классификации населения.

Якоб подошел к газетному киоску на углу. На витрине, прижатые тяжелыми металлическими зажимами, висели свежие выпуски утренней прессы. Его взгляд сразу зацепился за передовицу еженедельника *Der Stürmer*. Издание Юлиуса Штрейхера всегда отличалось кричащими заголовками, и в этот раз половину первой полосы занимала огромная карикатура.

Якоб купил газету, отошел в тень раскидистого каштана и развернул шуршащие страницы.

На рисунке был изображен человек. Точнее, существо, лишь отдаленно напоминающее человека. У него был гипертрофированно длинный, крючковатый нос, толстые губы, маленькие бегающие глазки и цепкие, когтистые пальцы, которыми он сжимал земной шар. Из карманов его непропорционально широкого сюртука торчали пачки денег и коммунистические листовки. Подпись под карикатурой гласила: «Тайный кукловод: как они разрушают наше общество изнутри».

Якоб долго смотрел на этот рисунок. В его памяти невольно всплыл образ доктора Элиаса Штерна, к которому он приходил весной для уточнения данных. Якоб вспомнил тихую гостиную, запах свежесваренного кофе, интеллигентную речь врача и добрую улыбку его жены Марты. Доктор Штерн совершенно не походил на монстра с газетной полосы. Он был обычным, уставшим человеком, спасающим детские жизни.

Внутри Якоба шевельнулось неприятное, сосущее чувство противоречия. Он знал, что карточка, которую он заполнил на Штерна, уже привела к тому, что доктору запретили лечить пациентов из числа членов партии, а его практика оказалась под угрозой закрытия. Якоб чувствовал легкий укол совести.

Но затем он начал читать статью, сопровождавшую карикатуру. Текст был написан хлестко, эмоционально, безапелляционно. Автор утверждал, что

внешняя вежливость и образованность — это лишь маскировка. Что за каждым таким врачом, юристом или торговцем стоит глобальная, невидимая сеть, цель которой — ослабить нацию, заразить ее чуждыми идеями и в конечном итоге уничтожить. Статья приводила вырванные из контекста цитаты, жонглировала статистикой преступлений и давила на самые первобытные страхи читателя.

Якоб читал, и по мере продвижения по тексту его внутренний дискомфорт начал рассеиваться. Газета предлагала ему идеальное обезболивающее для совести. Она объясняла, что его личный опыт — чашка кофе в доме Штернов — это иллюзия, частный случай, обман зрения. А вот карикатура — это истинная суть вещей, скрытая от простого обывателя, но очевидная для государства.

Если верить статье, то Якоб Вайс не был бездушным клерком, ломающим жизни хорошим людям. Он был солдатом невидимого фронта. Его аккуратные карточки, его графы «происхождение» и «политическая благонадежность» были щитом, защищающим немецких детей от когтистых лап с карикатуры.

Пропаганда выполнила свою главную функцию: она дегуманизировала объект. Она превратила живого человека со сложной судьбой в плоскую, однозначную угрозу.

Якоб аккуратно сложил газету и сунул ее в портфель. Жара больше не казалась ему такой изнуряющей. Он возвращался в свой кабинет с легким сердцем и ясным пониманием своего долга. Ему предстояло обработать еще три сотни анкет до конца дня. Теперь он точно знал, что за каждой заполненной графой стоит не чья-то разрушенная карьера, а спасенное будущее нации. Юлиус Штрейхер и его художники дали Якобу то, в чем он отчаянно нуждался, — моральное оправдание его канцелярской рутины.

Вечерний воздух спального района Москвы был наполнен привычными звуками: гулом машин с проспекта, криками подростков на спортивной площадке, лаем собак. Ева припарковала каршеринг у знакомого супермаркета и пешком дошла до двора, где жила Софья Руденко.

Сюжет Глеба Морозова вышел в эфир накануне вечером. Он длился всего восемь минут, но этого времени хватило, чтобы запустить цепную реакцию.

Ева села на деревянную скамейку у детской площадки, достала телефон и сделала вид, что увлеченно читает сообщения. На самом деле она внимательно наблюдала за подъездом номер три.

Около шести часов вечера дверь подъезда открылась. На крыльцо вышла Софья. На ней было то же самое серое пальто, в руках — привычная объемная сумка с нотами. Она спустилась по ступенькам и направилась к арке, ведущей на улицу.

Навстречу ей по тротуару шла женщина лет шестидесяти с маленькой собачкой на поводке. Ева узнала ее — это была та самая соседка, с которой Софья приветливо разговаривала в день их первой встречи. Тогда они обсуждали погоду и улыбались друг другу.

Софья, увидев знакомое лицо, привычно улыбнулась и приоткрыла рот, чтобы поздороваться.

Но соседка резко остановилась. Ее лицо окаменело. Она дернула поводок так сильно, что собачка взвизгнула, и, не сказав ни слова, демонстративно сошла с асфальтированной дорожки на сырой газон, обходя Софью по широкой дуге. Проходя мимо, она плотно сжала губы и отвела взгляд в сторону, словно перед ней был прокаженный.

Улыбка медленно сползла с лица Софьи. Она остановилась, растерянно глядя вслед соседке. В этот момент из арки вынырнула молодая пара с коляской. Поравнявшись с Софьей, парень вдруг наклонился к жене и что-то громко зашептал. Ева, сидящая неподалеку, отчетливо услышала одно слово, брошенное в спину учительнице музыки:

— ...сектантка.

Софья вздрогнула, как от физического удара. Она опустила голову, крепче прижала к себе сумку с нотами и ускорила шаг, стараясь как можно быстрее покинуть собственный двор.

Ева смотрела на эту сцену, и внутри нее разливался холод. Телевизионный монтаж сработал безупречно. Общество, напуганное тревожной музыкой и вырванными из контекста фразами, мгновенно включило защитный рефлекс отторжения. Людям не нужны были доказательства, судебные решения или

реальные факты преступлений. Им показали образ врага, и они с готовностью приняли его.

Дегуманизация произошла за одни сутки. Вчера Софья была доброй соседкой, которая учит детей играть на пианино. Сегодня она стала источником опасности, чужеродным элементом, от которого нужно держаться подальше. Никто не хотел разбираться. Никто не хотел задавать вопросы. Страх оказался сильнее многолетнего добрососедства.

Ева поднялась со скамейки. Ей больше не нужно было наблюдать. Она увидела достаточно, чтобы понять: физическое насилие со стороны государства всегда предваряется насилием психологическим. Сначала человека лишают доброго имени, затем — социальных связей, и только потом за ним приходят люди в форме. И когда они приходят, соседи уже не возмущаются. Они облегченно вздыхают.

На следующее утро Ева сидела за своим рабочим терминалом в закрытом центре «Эгида». Флуоресцентные лампы гудели над головой, создавая ровный, стерильный звуковой фон.

Она открыла консоль управления семантическим ядром. Ночью платформа успешно синхронизировалась с базами данных медиахолдинга, поглотив текстовые расшифровки всех новостных и аналитических программ за прошедшие сутки.

Ева ввела идентификатор Софьи Руденко, чтобы проверить статус объекта.

На экране развернулся цифровой профиль. Ева замерла. Индикатор угрозы, который еще два дня назад светился оранжевым цветом, обозначая третий уровень, теперь пульсировал насыщенным, агрессивным красным. Уровень угрозы: четвертый. Критический. Рекомендация вычислительной модели: немедленная передача материалов в следственные органы для возбуждения уголовного дела.

Ева открыла логи принятия решений, чтобы понять логику программы.

Строки кода побежали по экрану, выстраивая цепочку причинно-следственных связей. Платформа зафиксировала трансляцию сюжета Глеба Морозова на федеральном канале. Модуль распознавания текста вычленил

ключевые слова: «секта», «деструктивный культ», «вербовка», «опасность для общества».

Далее программа сопоставила эти слова с объектом сюжета — Софьей Руденко.

Поскольку информация прозвучала в эфире государственного телеканала, алгоритм оценки достоверности присвоил этому источнику максимальный вес доверия. Для вычислительной сети телевизионный эфир не был художественным произведением или журналистским мнением. Он был верифицированным фактом.

Ева смотрела на экран, осознавая весь ужас происходящего.

Сначала государственная пропаганда, используя манипуляции и монтаж, создала ложный образ экстремистской ячейки из мирной группы верующих. Затем этот сфабрикованный образ был показан по телевизору. А теперь правительственная аналитическая сеть, созданная для поиска реальных террористов, проанализировала этот телеэфир и восприняла ложь как оперативную информацию.

Программа добавила телевизионный сюжет как новый, тяжеловесный аргумент в профиль Софьи. То, что было придумано в монтажной комнате ради рейтингов, теперь стало цифровым доказательством вины.

Ева попыталась вручную снизить вес этого источника. Она выделила строку с расшифровкой эфира и нажала клавишу удаления, намереваясь исключить медийный шум из объективной оценки.

На экране всплыло серое диалоговое окно: «Отказ в доступе. Изменение весовых коэффициентов верифицированных государственных источников требует авторизации уровня куратора проекта».

Она не могла ничего изменить. Платформа начала питаться собственной пропагандой. Она обучалась на лжи, принимая ее за истину, и на основе этой лжи генерировала списки людей, подлежащих изоляции.

Ева откинулась на спинку кресла. В серверной было прохладно, но по ее спине стекала капля пота. Она поняла, что вычислительная сеть больше не анализирует реальность. Она анализирует ту искаженную картину мира,

которую государство само же и рисует. И в этой картине мира Софья Руденко уже была приговорена. Цифровой конвейер сделал свой вывод, опираясь на смонтированный звук и измененную цветокоррекцию. Оставалось лишь дожидаться, когда этот цифровой приговор обретет форму реального бумажного ордера на арест.

Глава 5. Экспертное мнение

Массивные дубовые двери Российской государственной библиотеки поддались с тяжелым скрипом, отрезая Еву Левину от шума Воздвиженки. После стерильного, пронизанного гулом серверов пространства центра «Эгида», читальный зал казался храмом другой эпохи. Здесь пахло книжной пылью, старым деревом и мастикой. Ева пришла сюда не за цифровыми логами. Ей нужны были первоисточники. Физические носители информации, которые невозможно отредактировать задним числом или стереть одним нажатием клавиши.

Вчерашний день оставил после себя тяжелое, саднящее чувство. Телевизионный сюжет Глеба Морозова запустил цепную реакцию дегуманизации, и Ева видела, как соседи отвернулись от Софьи Руденко. Но пропаганда — это лишь эмоции. Эмоции не имеют юридической силы. Чтобы государственная машина могла легально прослушивать телефоны, блокировать счета и отправлять людей в колонии, ей нужен был мост между телевизионной истерикой и Уголовным кодексом. Ева, как лингвист, понимала: этот мост строится из слов. Из специальных, официально утвержденных терминов.

Она заполнила бумажный бланк требования и через сорок минут получила на стойке выдачи стопку книг и подшивку ведомственных журналов. Ева села за свободный стол, включила зеленую лампу и открыла первую монографию.

На обложке значилось имя: Александр Дворкин.

Ева начала читать, делая пометки в своем блокноте. Тексты были посвящены так называемому «сектоведению». Именно здесь, на этих страницах,

конструировался понятийный аппарат, который сейчас использовала ее нейросеть для поиска внутренних врагов. Два термина повторялись из абзаца в абзац, словно заклинания: «тоталитарная секта» и «деструктивный культ».

С профессиональной точки зрения Ева видела в этих словосочетаниях классический семантический парадокс. В академическом религиоведении слово «секта» исторически означало лишь группу, отделившуюся от основного направления религии. Оно не несло в себе криминального подтекста. Но добавление прилагательного «тоталитарная» меняло всё. Оно искусственно скрещивало религиозную практику с политической диктатурой. Термин «деструктивный культ» работал по той же схеме, заранее вшивая презумпцию вины и разрушения в любую нетрадиционную форму веры.

Ева открыла распечатку официальных документов, которую принесла с собой. В 1998 году была введена государственная религиоведческая экспертиза, а в 2009 году приказом Минюста № 53 был утвержден новый порядок ее проведения и положение об Экспертном совете при Министерстве юстиции Российской Федерации. Новый состав совета возглавил Александр Дворкин.

Пазл начал складываться, обретая пугающую четкость. Человек, популяризовавший в России стигматизирующие, оспариваемые научным сообществом ярлыки, получил официальный государственный статус. Его терминология, рожденная в полемических статьях и публичных выступлениях, плавно перетекла в кабинеты чиновников, а оттуда — в залы судов.

— Интересуетесь новыми религиозными движениями? — раздался тихий голос.

Ева подняла голову. Напротив нее, опираясь на спинку стула, стоял пожилой мужчина в потертом вельветовом пиджаке. Она видела его раньше в коридорах университета, где когда-то защищала диссертацию. Профессор социологии религии, чье имя она не могла вспомнить с ходу.

— Пытаюсь разобраться в терминологии, — осторожно ответила Ева, закрывая обложку книги Дворкина. — Как лингвист. Меня интересует, как эти понятия функционируют в правовом поле.

Профессор горько усмехнулся, отодвинул стул и присел напротив.

— Они функционируют не как научные понятия, коллега. Они функционируют как дубинка. В мировой социологии термин «тоталитарная секта» не является общепринятой аналитической категорией. В российском контексте это прежде всего антикультовый полемический ярлык, созданный для решения конкретных политических задач.

Он понизил голос, оглянувшись на соседние столы, за которыми сидели студенты.

— Понимаете, в чем фокус? Если вы хотите запретить людям собираться и читать свои книги, вы не можете просто сказать: «Нам не нравится ваша вера». Конституция пока еще гарантирует свободу совести. Поэтому вам нужен эксперт. Эксперт, наделенный государственным статусом, пишет заключение. В этом заключении он использует термины «деструктивный культ» и «психологическое манипулирование». Он заявляет, что группа подавляет личность. И всё. Судье не нужно разбираться в теологии. Судья видит бумагу с печатью экспертного учреждения или заключение специалистов, привлеченных следствием либо судом. Мирная религиозная деятельность легким движением руки подводится под статью об экстремизме.

— Но ведь экстремизм подразумевает насилие, призывы к свержению строя, — возразила Ева, хотя внутри нее уже росло понимание того, как именно работает этот механизм.

— В том-то и дело, — профессор постучал узким пальцем по столу. — Экспертные заключения совершили подмену понятий. Они приравнивали утверждение о собственной религиозной истинности к «пропаганде исключительности и превосходства». Любая религия считает свой путь единственно верным. Но теперь, благодаря этим экспертам, слова о том, что ваша вера истинна, трактуются как унижение тех, кто верит иначе. А это уже экстремизм. Экспертиза — это алхимия нашего времени. Она превращает молитву в уголовное преступление.

Ева поблагодарила профессора, собрала свои вещи и вышла из библиотеки. Холодный московский воздух ударил в лицо, но не принес облегчения. Она поняла, что алгоритм «Эгиды» не ошибался. Он был обучен на этих самых экспертных заключениях. Машина усвоила логику Экспертного совета: если

люди собираются вместе, не принадлежат к официальной церкви и говорят о духовной борьбе — они экстремисты. Программа просто автоматизировала процесс, который Александр Дворкин и его коллеги запустили вручную.

Берлин, ноябрь 1933 года.

Осень выдалась промозглой. Дождь хлестал по окнам Имперского министерства внутренних дел, размывая очертания зданий на противоположной стороне улицы. Якоб Вайс сидел за своим столом, методично сортируя личные дела государственных служащих.

В последние недели его работа стала вызывать у него глухое, едва осознаваемое раздражение. После весеннего визита к доктору Штерну Якоб старался не думать о людях, стоящих за картонными карточками. Он убеждал себя, что просто наводит порядок. Но иногда, вписывая слово «неариец» в графу происхождения, он чувствовал, как внутри скребется сомнение. На каком основании государство делит своих граждан? Почему честный врач или талантливый юрист должен лишаться работы только из-за фамилии деда? Политические мотивы казались Якобу слишком зыбкими, слишком субъективными.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился начальник отдела, герр Штраубе. В руках он держал пухлую папку с тиснением.

— Вайс, отложите текучку, — бодро скомандовал он, бросая папку на стол Якоба. — У нас новые инструкции. Министерство юстиции совместно с Министерством внутренних дел утвердило обновленные критерии классификации.

Якоб открыл папку. Первым лежал меморандум, подписанный руководством Института антропологии, человеческой наследственности и евгеники имени кайзера Вильгельма. К документу прилагались сложные генеалогические таблицы, графики и выдержки из научных статей.

— Что это, герр Штраубе? — Якоб пробежал глазами по строкам, изобилующим медицинскими и биологическими терминами.

— Это, мой мальчик, фундамент нашей работы, — начальник отдела самодовольно улыбнулся. — Научное обоснование. До сих пор мы опирались на полицейские отчеты и церковные книги. Но теперь расовая гигиена признана официальной наукой. Ученые мужи из института доказали, что склонность к антигосударственной деятельности, криминалу и разрушению общества передается по наследству. Это не вопрос политики, Вайс. Это вопрос биологии.

Якоб начал вчитываться в текст. Документ был написан сухим, академическим языком. В нем не было истерики газетных передовиц или крикливых лозунгов штурмовиков. Здесь были проценты, коэффициенты наследования, антропометрические данные. Ученые с профессорскими степенями, уважаемые в академическом сообществе люди, скрупулезно обосновывали в логике расовой гигиены, что определенные группы населения объективно, на генетическом уровне представляют угрозу для здоровья нации.

Якоб почувствовал, как напряжение, копившееся в нем последние месяцы, начинает отпускать. Сомнения растворялись в стройных рядах научных формулировок.

Он взял из стопки дело некоего Отто Леви, преподавателя математики в гимназии. Раньше Якоб мог бы задуматься о том, справедливо ли увольнять хорошего учителя. Но теперь он посмотрел на приложенную к делу генеалогическую справку, сверил ее с таблицами из Института антропологии и аккуратно вывел в новой графе: «Наследственная предрасположенность к деструктивному поведению. Подлежит отстранению согласно закону о восстановлении профессионального чиновничества».

Наука дала Якобу то, в чем он отчаянно нуждался — индульгенцию. Политические чистки, которые могли казаться жестокими или несправедливыми, внезапно обрели статус санитарной нормы. Если профессора медицины и антропологии говорят, что это необходимо для выживания государства, кто такой Якоб Вайс, чтобы спорить с наукой? Он не палач. Он — лаборант, помогающий хирургам отсечь больную ткань от здорового организма.

Экспертные заключения институтов расовой гигиены стали тем самым мостом, который соединил уличный антисемитизм с холодным, безжалостным государственным законом. И Якоб, успокоенный авторитетом науки, с

удвоенной энергией принялся заполнять новые карточки, больше не испытывая ни малейших угрызений совести.

Вечером того же дня Ева Левина припарковала машину у здания Дома культуры в одном из центральных районов Москвы. На фасаде висел неприметный баннер: «Открытая лекция: Духовная безопасность в условиях современных вызовов».

Ева вошла в просторный холл. Публика была разношерстной: студенты с блокнотами, пожилые женщины в платках, мужчины в строгих костюмах, похожие на чиновников районных управ. Ева заняла место в середине зала, достала планшет и включила диктофон.

На сцену поднялся грузный мужчина с окладистой бородой. Ведущий представил его как ведущего эксперта-религиоведа, члена того самого Экспертного совета при Минюсте.

Лекция началась спокойно, почти академично. Эксперт говорил о традиционных ценностях, о важности культурного кода и исторической памяти. Но постепенно градус выступления начал повышаться. На экране за спиной лектора появились слайды с фотографиями различных собраний. Ева узнала на одном из них кадры из того самого телевизионного сюжета Глеба Морозова — искаженное цветокоррекцией лицо Софьи Руденко.

— Мы сталкиваемся с беспрецедентной угрозой, — вещал эксперт, опираясь руками на трибуну. — Тоталитарные секты и деструктивные культы мимикрируют под безобидные кружки по интересам. Они могут называть себя исследователями Библии, любителями восточной философии или центрами личностного роста. Но их истинная цель — разрушение психики граждан и подрыв государственных устоев.

Ева внимательно слушала, как лектор жонглирует терминами. Он ни разу не привел конкретных фактов подготовки терактов или вооруженных мятежей. Вся его аргументация строилась на психологических абстракциях.

— Они используют методы контроля сознания, — продолжал эксперт. — Они заставляют адептов отказываться от привычного круга общения, от семьи, от материальных благ. Это форма психологического насилия, которая гораздо опаснее насилия физического. И наша задача, как экспертного сообщества, —

выявлять эти деструктивные элементы до того, как они нанесут непоправимый ущерб.

В зале поднялась рука. Молодой человек в очках, сидевший в первом ряду, задал вопрос.

— Но если эти люди не нарушают закон, не призывают к насилию и просто собираются у себя дома, на каком основании государство может вмешиваться в их частную жизнь?

Эксперт снисходительно улыбнулся.

— В том-то и кроется коварство деструктивных культов. Внешне они соблюдают закон. Но их идеология, их внутренние тексты содержат скрытый экстремизм. Они утверждают, что только их путь ведет к спасению, тем самым разжигая рознь по отношению к остальному обществу. Наша экспертиза позволяет судам увидеть эту скрытую угрозу. Мы переводим их тайный язык на язык Уголовного кодекса.

Ева почувствовала, как по спине пробежал холодок. «Мы переводим их тайный язык на язык Уголовного кодекса». Это была точная формулировка того, что делала ее нейросеть в центре «Эгида».

Она смотрела на сцену и видела перед собой не просто лектора. Она видела архитектора репрессивной системы. Пропагандисты вроде Морозова создавали страх. Депутаты принимали законы, требующие тотального контроля. А эти эксперты давали правоохранительным органам инструмент для применения этих законов против кого угодно.

Термин «тоталитарная секта» был идеальным оружием. Он не требовал доказательств реальных преступлений. Достаточно было доказать, что группа имеет лидера, внутреннюю дисциплину и претендует на истинность своего учения. Под эти критерии при желании можно было подвести любую организацию, от кружка любителей йоги до оппозиционной политической партии.

Лекция закончилась аплодисментами. Ева вышла на улицу, чувствуя острую потребность вдохнуть свежего воздуха. Она села в машину, но не стала заводить двигатель. Вместо этого она открыла на планшете защищенный канал связи с рабочим сервером.

Ей нужно было проверить одну гипотезу. Она ввела в поисковую строку базы данных судебных решений параметры: статья 282.2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации) и фильтр по наличию религиоведческой экспертизы.

Система выдала сотни результатов. Ева открыла одно из последних дел. Обвинительное заключение по делу группы граждан, собиравшихся для совместного чтения религиозной литературы.

Она пролистала сухие канцелярские формулировки до раздела «Доказательства». Там черным по белому было написано: «Согласно заключению комплексной психолого-лингвистической и религиоведческой экспертизы, проведенной специалистами по постановлению следствия, в изъятой литературе и аудиозаписях бесед подсудимых содержатся признаки пропаганды исключительности их религиозной группы. Эксперты установили, что данная организация обладает всеми признаками деструктивного культа, осуществляющего психологическое манипулирование. На основании изложенного, суд приходит к выводу о виновности...»

Никакого оружия. Никаких планов терактов. Никаких пострадавших. Только слова, интерпретированные экспертами как угроза.

Ева смотрела на светящийся экран планшета в темноте салона. Она вспомнила Софью Руденко, ее мягкую улыбку и сумку с нотами. Профиль Софьи в системе «Эгида» уже горел красным. Алгоритм, обученный на таких вот судебных решениях и экспертных заключениях, уже вынес свой вердикт.

Машина не сошла с ума. Она работала безупречно, в точном соответствии с заложенной в нее логикой. Логикой, в которой наука и экспертиза стали служанками политического заказа, придавая беззаконию респектабельный, научно обоснованный вид. Ева закрыла лицо руками. Она поняла, что ее работа в аналитическом центре — это не защита общества от террористов. Это автоматизация процесса, который когда-то, в другой стране и в другое время, начинался с бумажных карточек и теорий расовой гигиены. И теперь этот процесс был поставлен на цифровой конвейер, остановить который изнутри казалось невозможным. На экране планшета продолжал светиться текст приговора, в котором пять лет реального лишения свободы базировались

исключительно на мнении человека, назвавшего чужую веру «деструктивным культом».

Глава 6. Пакет данных

Холодный воздух серверной обжигал легкие. В огромном ангаре коммерческого дата-центра, расположенного в неприметной промзоне за МКАДом, стоял непрерывный, давящий на барабанные перепонки гул тысяч вентиляторов. Ева Левина плотнее запахнула выданную на проходной синюю куртку с логотипом телекоммуникационной компании. Она шла вдоль бесконечных рядов черных металлических стоек, мигающих зелеными и синими светодиодами.

Ее сопровождал Илья, старший инженер инфраструктурного отдела оператора связи. Он выглядел уставшим, под глазами залегли глубокие тени.

— Вот здесь мы развернули новые мощности под ваши требования, — Илья махнул рукой на длинный ряд свежеставленных серверов, от которых еще пахло заводским пластиком. — Первое июля две тысячи восемнадцатого года наступило: для голосовой связи правила хранения уже вступили в силу, а по остальным видам передачи данных включается переходный график. Теперь мы обязаны хранить содержание сообщений в пределах установленных сроков и метаданные — годами.

Ева подошла ближе к одной из стоек. За стеклянной дверцей тянулись толстые пучки оптоволоконных кабелей. Это была физическая реализация того самого пакета законов, который еще недавно обсуждался в светлых залах парламента. Теперь слова политиков превратились в петабайты железа и кремния.

— Вы понимаете, что это технологический абсурд? — голос Ильи с трудом пробивался сквозь шум охлаждающих установок. — Еще в шестнадцатом году, когда закон только приняли, представители МТС и «Вымпелкома» прямым текстом говорили: в России не производится оборудование для перехвата,

каталогизации и хранения таких массивов информации. Его вообще нигде в мире не производят серийно. Эксперты из Института развития общественных сетей предупреждали, что на создание отечественной компонентной базы с нуля уйдут годы. А нам приказали сделать это вчера.

Ева молча смотрела на мигающие индикаторы. Она знала эти сводки. В закрытых отчетах аналитического центра «Эгида» регулярно появлялись справки о состоянии отрасли. Операторы связи пытались сопротивляться, ссылаясь на отсутствие сертифицированного оборудования. Процесс сертификации требовал разработки методик тестирования, аренды дата-центров, колоссального объема бумажной работы. Отраслевые журналы, такие как «Телеспутник», прогнозировали, что легальное, полностью одобренное железо появится не раньше середины двадцатых годов. Но государство не хотело ждать. Оно требовало данных прямо сейчас.

— И что вы в итоге храните? — спросила Ева, доставая рабочий планшет для синхронизации протоколов.

— То, что закон называет сообщениями пользователей и информацией о фактах соединений, — Илья нервно дернул плечом. — Голосовые вызовы, смс, изображения, видео. Содержание сообщений — в пределах установленных сроков, а сведения о фактах приема, передачи и доставки — значительно дольше. Но главная проблема даже не в объемах. Проблема в шифровании. Огромная доля интернет-трафика сегодня зашифрована самими сервисами — мессенджерами, почтовыми клиентами, банковскими приложениями. Мы складировем эксабайты цифрового мусора. Белый шум. Вы не сможете его прочитать, даже если мы отдадим вам прямой доступ к серверам. Это бессмысленная трата миллиардов рублей, которые в итоге оплачивают абоненты.

Ева подключила кабель к сервисному порту и запустила тестовую выгрузку. На экране планшета побежали строки логов.

— Мне не нужно читать их переписку, Илья, — ровным голосом ответила она, глядя на экран. — Содержание сообщений — это прошлый век оперативной работы. Мне нужны метаданные.

Она развернула перед инженером графический интерфейс своей программы.

— Смотрите. Я не знаю, что именно написал абонент А абоненту Б. Но ваша система отдает мне информацию о том, что абонент А отправил зашифрованный пакет данных размером в три мегабайта абоненту Б в два часа ночи. Я вижу, что они находились в одном районе. Я вижу, что сразу после этого абонент Б совершил голосовой вызов абоненту В, который длился сорок секунд. А на следующий день все трое оказались в зоне действия одной базовой станции на окраине города.

Илья замолчал, глядя на то, как программа Евы в реальном времени выстраивает сложную, многоуровневую паутину социальных связей, опираясь исключительно на технические параметры соединений.

— Шифрование защищает слова, — продолжила Ева, отключая кабель. — Но оно не защищает поведение. А для моей вычислительной модели поведение гораздо красноречивее любых слов. Спасибо за доступ, Илья. Синхронизация прошла успешно.

Она направилась к выходу из серверной, оставляя инженера стоять в холодном, ревущем проходе. Ева чувствовала странную смесь профессионального триумфа и нарастающей, липкой тревоги. Платформа «Эгида» получила то, чего ей так не хватало — абсолютную полноту картины. Теперь ни один цифровой шаг граждан не оставался незамеченным.

Берлин, февраль 1935 года. Кабинет отдела статистики Имперского министерства внутренних дел. Двое рабочих в серых комбинезонах с натужным кряхтением устанавливали вдоль стены последний из шести новых металлических шкафов. Старые деревянные стеллажи, служившие верой и правдой много лет, были безжалостно демонтированы и вынесены в коридор. Они больше не справлялись с объемом информации.

Якоб Вайс стоял у окна, заложив руки за спину, и наблюдал за процессом. Новые шкафы были сделаны из крупновской стали. Они выглядели тяжело, внушительно и пугающе надежно. Каждый шкаф имел по десять выдвижных ящиков, оснащенных роликовыми направляющими для плавного хода.

— Готово, герр Вайс, — старший рабочий вытер пот со лба и протянул накладную. — Распишитесь в получении.

Якоб поставил аккуратную подпись, дождался, пока рабочие покинут кабинет, и подошел к холодной стальной поверхности. Он выдвинул один из ящичков. Тот выкатился с тихим, сытым шелестом. Внутри плотными рядами стояли тысячи картонных карточек.

За последние полтора года характер работы Якоба кардинально изменился. Если раньше он просто собирал данные для внутренних нужд министерства, то теперь его картотека стала главным кровеносным сосудом новой правоохранительной системы.

Дверь кабинета открылась без стука. На пороге стоял человек в штатском — длинное кожаное пальто, фетровая шляпа, надвинутая на лоб. Это был криминальрат Франц Хубер, офицер связи из гестапо — тайной государственной полиции, которая с недавних пор получила беспрецедентные полномочия.

— Доброе утро, Вайс, — Хубер прошел в кабинет, не снимая шляпы, и положил на стол Якоба кожаную папку. — Вижу, вы расширяетесь. Отличные шкафы. Огнеупорные?

— Да, герр криминальрат. Выдерживают прямое пламя до двух часов.

— Прекрасно. Информация — это наш самый ценный ресурс. Ее нужно беречь.

Хубер открыл свою папку.

— У меня запрос на выгрузку данных по району Пренцлауэр-Берг. Нас интересуют лица, проходящие по категории политической неблагонадежности, ранее состоявшие в профсоюзах, а также члены незарегистрированных религиозных групп.

Якоб подошел к третьему шкафу, выдвинул нужный ящик и начал быстро перебирать разделители. Его пальцы привычно порхали по плотному картону.

— Религиозные группы... — пробормотал Якоб. — У меня есть обновленные списки Исследователей Библии. Недавно поступили данные из полицейских участков.

— Давайте их сюда, — кивнул Хубер. — Они отказываются произносить приветствие фюреру и не берут в руки оружие. Абсолютно антигосударственный элемент.

Якоб достал стопку карточек и положил перед офицером гестапо. Верхней лежала анкета на имя Иоганна Кесслера, пятидесяти двух лет, столяра. В графе примечаний было указано: «Задержан при попытке распространения религиозной литературы возле станции метро».

— Что с ними будет? — неожиданно для самого себя спросил Якоб. Обычно он никогда не задавал таких вопросов. Его дело — учет.

Хубер поднял на него холодный, немигающий взгляд.

— С ними будет проведена профилактическая работа, Вайс. Государство ввело институт «защитного ареста» — Schutzhaft. Нам больше не нужно ждать, пока они совершат государственную измену. Если ваши карточки показывают, что человек потенциально опасен для общества, мы изолируем его превентивно. Без суда. Суды слишком медлительны и связаны старыми процессуальными нормами. Мы действуем быстрее.

Офицер сгреб карточки в свой портфель, сухо кивнул и вышел из кабинета.

Якоб остался один. Он смотрел на пустую нишу в ящике, откуда только что извлек данные Иоганна Кесслера и десятков других людей. Стальные шкафы вокруг него больше не казались просто мебелью. Они были арсеналом. Каждая карточка, которую он так старательно заполнял, выверяя даты рождения и адреса, превращалась в ордер на арест. Якоб закрыл ящик. Металл лязгнул с оглушительной в тишине кабинета резкостью, похожей на звук захлопывающейся тюремной камеры.

Вернувшись в свой кабинет в центре «Эгида», Ева Левина сразу же открыла консоль управления семантическим ядром. Интеграция с базами данных телеком-операторов прошла успешно, и теперь на ее мониторы обрушился водопад новой информации.

Но помимо расширения технического доступа, вступили в силу и новые юридические нормы. Пакет законов содержал жесткие поправки в закон о свободе совести и религиозных объединениях. Отныне миссионерская деятельность подвергалась строжайшему регулированию.

Ева открыла текст обновленной статьи 5.26 КоАП РФ и главы III.1 закона № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Формулировки были сухими, но их суть поражала своей тотальностью. Публичное распространение вероучения от имени религиозного объединения среди лиц, не являющихся его участниками, с целью вовлечь их в объединение теперь жестко привязывалось к установленным законом местам и документам. Миссионерская деятельность в жилых помещениях прямо не допускалась, за исключением предусмотренных законом случаев, а нарушение этих правил влекло административный штраф.

Ева загрузила эти новые правовые параметры в обучающую выборку нейросети. Программа должна была научиться выявлять нарушителей в потоке перехваченных коммуникаций.

Она запустила тестовый прогон по свежим полицейским сводкам, которые теперь автоматически подтягивались в систему. На экране мгновенно высветился профиль.

Микро-кейс номер 847-А. Август 2018 года. Город Тверь. Объект: Андрей Волков, 34 года, инженер-проектировщик. Суть инцидента: Находясь на автобусной остановке, вступил в диалог с незнакомой женщиной. В ходе разговора упомянул Евангелие и предложил подарить ей книгу. Женщина оказалась бдительной гражданкой и вызвала наряд полиции. Волков был задержан, на него составили протокол за незаконную миссионерскую деятельность. Штраф — сорок тысяч рублей.

Для обычного участкового дело на этом было бы закрыто. Но для системы «Эгида» штраф был лишь триггером.

Ева наблюдала, как алгоритм, получив сигнал о правонарушении, немедленно обратился к свежим базам данных телеком-операторов, доступ к которым она только что настроила. Программа вытянула всю историю звонков Волкова за последний год. Она проанализировала геолокации его телефона, выявив адреса, по которым он регулярно бывал. Она просканировала списки его контактов в мессенджерах.

На экране начало разрастаться дерево связей. От профиля Волкова потянулись красные нити к десяткам других людей. К его жене, к коллегам по

работе, к друзьям, с которыми он собирался по выходным. Нейросеть автоматически присвоила всем этим людям статус «потенциально вовлеченных в незаконную деятельность». Их цифровые профили были поставлены на активный мониторинг.

Один разговор на автобусной остановке, благодаря новым законам и тотальному сбору данных, позволил государству взять под контроль жизнь пятидесяти человек.

Дверь кабинета бесшумно открылась. Ева вздрогнула, когда на поверхность ее стола легла тяжелая мужская рука. Максим Орлов, куратор от службы безопасности, стоял у нее за спиной, внимательно изучая разрастающееся на экране дерево связей.

— Отличная работа, Левина, — голос Орлова был спокойным, лишенным каких-либо эмоций. — Интеграция с операторами дает свои плоды. Сеть становится плотнее.

— Операторы в панике, Максим, — Ева повернулась к нему, стараясь скрыть дрожь в голосе. — У них нет оборудования для хранения таких объемов. Они складывают зашифрованный мусор. Это профанация безопасности.

Орлов усмехнулся, обошел стол и присел на край подоконника, скрестив руки на груди.

— Ты слишком много думаешь о железе, Ева. Пусть операторы сами решают свои проблемы с закупками серверов. Нас интересует результат. А результат на твоём экране.

Он указал подбородком на профиль Андрея Волкова и его контакты.

— Новые поправки о миссионерской деятельности — это гениальный инструмент. Раньше, чтобы взять группу в разработку, нам нужно было доказать, что они готовят что-то серьезное. Теперь нам достаточно того, что человек просто открыл рот вне стен церкви. Закон дал нам идеальный формальный повод.

— Повод для чего? — Ева смотрела прямо в его холодные, серые глаза. — Штрафовать людей за разговоры на остановке?

Орлов подался вперед. Его лицо утратило расслабленное выражение, черты заострились.

— Повод для того, чтобы получить легальный доступ к их жизни. Пойми простую вещь, Ева. Мы больше не ищем преступников в классическом понимании этого слова. Мы формируем базу уязвимостей. Дай мне цифровой след человека — его звонки, его перемещения, его транзакции, его контакты, — и я найду повод для его ареста. Любого человека.

Он произнес это будничным тоном, как констатируют прогноз погоды.

— Никто не безгрешен, — продолжил Орлов. — Кто-то скачал пиратскую программу. Кто-то перевел деньги сомнительному фонду. Кто-то прочитал запрещенную статью и переслал ее другу. Кто-то поговорил о Боге на улице. Когда у нас есть весь массив данных, вопрос виновности становится лишь вопросом времени и нашего желания. Твоя система дает нам это время. И это желание.

Орлов похлопал по столешнице и направился к двери.

— Расширяй охват, Левина. Настрой фильтры на выявление любых неформальных собраний. Если люди собираются больше трех человек и их телефоны лежат рядом в течение часа — я хочу, чтобы система это фиксировала. Мы должны знать всё.

Дверь за ним закрылась.

Ева осталась одна в полумраке кабинета. На центральном мониторе продолжало пульсировать красное дерево связей. Она перевела взгляд на соседний экран, где непрерывным потоком бежали сырые логи, поступающие из дата-центров телеком-операторов.

Миллионы строк. Миллионы координат. Миллионы секунд телефонных разговоров.

Ева смотрела на этот цифровой водопад и понимала, что Орлов прав. Государству больше не нужно было доказывать вину. Государство просто собирало данные, складывая их в огромные, невидимые стальные шкафы. И теперь каждый гражданин страны, сам того не подозревая, ежедневно пополнял свое собственное досье, бережно сохраняемое на серверах в холодных ангарах.

Оставалось лишь дожидаться момента, когда кто-то в кабинете решит выдвинуть нужный ящик.

Глава 7. Исключение из правил

Цифровые часы в правом нижнем углу монитора показывали 05:47 утра. В аналитическом центре «Эгида» стояла та особенная, вязкая тишина, которая бывает только на исходе ночной смены. Ева Левина сидела перед массивом экранов, обхватив ладонями остывшую чашку с кофе. Ее глаза покраснели от недосыпа, но взгляд оставался прикованным к центральному дисплею, где разворачивалась интерактивная карта города.

Обычно интерфейс семантического ядра отображал текстовые графы, деревья связей и вероятностные модели. Но сегодня ночью система перешла в кинетический режим. Алгоритм, который Ева обучала искать скрытые смыслы в словах, передал эстафету силовым ведомствам. Цифровые маркеры превратились в GPS-координаты оперативных групп.

На темном фоне карты пульсировали три синие точки. Это были микроавтобусы без опознавательных знаков,двигающиеся по пустым утренним проспектам спального района. Они сходились к одной цели — красному маркеру, обозначающему адрес Софьи Руденко.

Ева почувствовала, как внутри все сжимается от ледяного, парализующего бессилия. Она открыла консоль интеграции с городской системой видеонаблюдения «Безопасный город» и ввела код доступа. На боковых мониторах вспыхнули окна с камер наружного наблюдения.

Синие точки на карте остановились. На видео с камеры, установленной на углу дома, Ева увидела, как во двор въехали три черных фургона. Из них бесшумно, как тени, посыпались люди в тяжелой тактической экипировке. Шлемы, бронежилеты, автоматы, тяжелые щиты. Их движения были отработанными, хищными, лишенными всяких сомнений. Это была машина

физического подавления, и прямо сейчас она направлялась к женщине, чьим самым страшным преступлением было чтение вслух и игра на фортепиано.

Ева переключила канал на камеру домофона третьего подъезда. Изображение было искажено объективом «рыбий глаз», но детали различались четко. Группа захвата сгрудилась у металлической двери. Один из оперативников достал гидравлический инструмент.

Ева не могла отвести взгляд. Она понимала, что присутствует при историческом моменте трансформации: абстрактный программный код, написанный ее руками в стерильном офисе, прямо сейчас материализуется в виде грубой физической силы.

Она активировала аудиоканал. Микрофон домофона передал глухой металлический лязг, затем — натужный гул гидравлики. Дверь подъезда поддалась с протяжным скрипом, и черные фигуры хлынули внутрь.

Ева быстро переключилась на перехват аудиосигнала с мобильного телефона Софьи. Аппарат лежал где-то в квартире, вероятно, на тумбочке у кровати, и его микрофон, дистанционно активированный системой «Эгида», работал как идеальный жучок.

Сначала была только тишина спящей квартиры. Затем — тяжелый топот на лестничной клетке. Удар. Еще удар. Звук ломающегося дерева и вылетающих дверных замков разорвал утреннюю тишину с такой силой, что Ева вздрогнула в своем кресле.

— Лежать! Лицом в пол! Руки за спину! — громовой, многократно усиленный эхом крик заполнил наушники Евы.

Послышался грохот падающей мебели, звон разбитого стекла.

— Господи, что вы делаете? — голос Софьи был высоким, срывающимся, полным абсолютного, животного ужаса. — Я ничего не сделала! Пожалуйста, не надо!

— Молчать! Лицом в пол, я сказал! Где литература? Где средства связи?

Ева закрыла глаза, но звук продолжал бить по нервам. Она слышала, как тяжелые ботинки топчут паркет, как кто-то сбрасывает книги с полок, как трещат разрываемые папки с нотами. Это был не просто обыск. Это была акция

устрашения, демонстрация абсолютной, подавляющей власти государства над хрупким пространством частной жизни.

Система на мониторе Евы бесстрастно фиксировала происходящее, переводя крики и звуки ударов в сухие строки логов: «Объект локализован. Сопротивление не зафиксировано. Начат сбор вещественных доказательств».

Ева сорвала наушники и бросила их на стол. В серверной было тихо, только ровно гудели кондиционеры. Но в ее голове продолжал звучать испуганный голос учительницы музыки. Ева посмотрела на свои руки. Они дрожали. Она не держала кувалду, выбивавшую дверь, не направляла ствол автомата в лицо безоружной женщине. Но именно ее алгоритм указал этим людям в черном, куда нужно прийти.

Берлин, ноябрь 1935 года.

Ветер гнал по брусчатке Фридрихштрассе обрывки газет и сухие листья. Якоб Вайс поднял воротник своего драпового пальто, прячась от промозглого холода. Рабочий день в Имперском министерстве внутренних дел закончился час назад, но Якоб предпочел пройти пешком, чтобы проветрить голову от бесконечных столбцов цифр и новых инструкций, поступивших после принятия Нюрнбергских законов.

Он свернул в узкий переулок, намереваясь срезать путь к станции метро, и внезапно остановился.

Впереди, у витрины небольшого магазина, толпились люди. Якоб услышал звон бьющегося стекла, грубый смех и крики. Он инстинктивно замедлил шаг, но любопытство и странное предчувствие заставили его подойти ближе.

Над разбитой витриной криво висела вывеска: «Исаак Розенберг. Часовщик».

Якоб почувствовал, как внутри все похолодело. Исаак Розенберг. Он помнил это имя. Это была одна из самых первых карточек, которую он заполнил весной тридцать третьего года, когда только вводились новые графы о происхождении. Тогда Якоб убеждал себя, что это просто статистика. Безобидный учет, необходимый для порядка.

Трое штурмовиков СА в коричневых рубашках и тяжелых сапогах вытаскивали из дверей магазина невысокого, седого мужчину. Розенберг пытался сопротивляться, цепляясь слабыми руками за дверной косяк, но один из штурмовиков ударил его прикладом по пальцам. Старик вскрикнул и осел на тротуар.

— Давай, выметайся, жидовская морда! — гаркнул высокий штурмовик, пинком отбрасывая Розенберга к водосточному желобу. — Твоя лицензия аннулирована. Это помещение теперь принадлежит истинным немцам.

Из дверей магазина полетели вещи. Деревянные шкатулки, инструменты, лупы. А затем на брусчатку посыпались часы. Десятки, сотни карманных и наручных часов, над которыми Розенберг кропотливо работал. Штурмовики с гоготом начали топтать их тяжелыми подкованными сапогами. Хрустело стекло циферблатов, лопались тонкие пружины, сминались латунные шестеренки.

Якоб стоял в толпе зевак, не в силах пошевелиться. Люди вокруг реагировали по-разному. Кто-то отворачивался и спешил уйти. Кто-то молча смотрел в землю. А полная женщина в шерстяной шали, стоявшая рядом с Якобом, удовлетворенно кивнула.

— Давно пора. Они высасывали из нас все соки. Теперь будет порядок.

Якоб смотрел на Розенберга. По лицу старика текла кровь, он ползал по холодной брусчатке, пытаясь дрожащими руками собрать разбитые механизмы, дело всей своей жизни.

В этот момент иллюзия, которой Якоб защищал свою психику больше двух лет, рухнула. Он всегда говорил себе, что его картотека — это абстракция. Что он просто переносит чернила с одного листа бумаги на другой. Но сейчас он видел, как его чернила превратились в кровь на лице часовщика.

Штурмовики не пришли сюда случайно. Они пришли по адресу, который был аккуратно выписан каллиграфическим почерком Якоба. Они аннулировали лицензию на основании списков, которые его отдел передал в гестапо и экономические ведомства. Бумажный порядок, который Якоб так старательно выстраивал в своих огнеупорных шкафах, обернулся узаконенным погромом.

Один из штурмовиков достал банку с белой краской и широкой кистью намалевал на уцелевшем куске витрины огромное слово «Jude».

Якоб попятился. Ему стало нечем дышать. Он развернулся и быстро пошел прочь, почти срываясь на бег. Он хотел оказаться как можно дальше от этого переулочка, от звука хрустящих под сапогами часов. Но он знал, что от себя убежать невозможно. В его портфеле лежали еще десятки пустых бланков, которые завтра утром он должен будет заполнить, обрекая новых людей на ту же участь. Исключений из правил больше не существовало.

Прошло три дня после утреннего обыска. Ева Левина сидела за своим терминалом, отслеживая цифровой след Софьи Руденко. Физическое насилие было лишь первым актом. Теперь государственная машина приступила к методичному, бюрократическому уничтожению личности.

На экране Евы был открыт закрытый шлюз Росфинмониторинга — Федеральной службы по финансовому мониторингу.

В России существовал механизм, который позволял государству полностью парализовать жизнь человека еще до суда, до вынесения какого-либо приговора. Достаточно было процессуального решения о признании человека подозреваемым или постановления следователя о привлечении его в качестве обвиняемого по соответствующей «экстремистской» статье, чтобы фамилия подозреваемого попала в Перечень террористов и экстремистов.

Ева ввела данные Софьи. Система выдала результат мгновенно. «Руденко Софья Михайловна. Дата рождения: 14.05.1976. Статус: Включена в Перечень. Основание: ч. 2 ст. 282.2 УК РФ».

Ева открыла логи банковских транзакций. Это было похоже на наблюдение за остановкой сердца на мониторе кардиографа.

Вчера в 14:30 Софья попыталась расплатиться зарплатной картой Сбербанка в продуктовом магазине у дома. Сумма покупки: 450 рублей. Хлеб, молоко, макароны. Статус транзакции: Отказ. Код ошибки: Счета заблокированы согласно 115-ФЗ.

В 15:15 она попыталась снять наличные в банкомате ВТБ. Статус: Отказ. Карта изъята банкоматом.

В 16:00 она зашла в приложение банка, чтобы перевести деньги адвокату. Статус: Доступ в личный кабинет аннулирован.

Ева читала эти сухие строчки, понимая весь ужас положения Софьи. Включение в список Росфинмониторинга означало финансовую смерть. Все счета, все банковские карты блокировались мгновенно и бессрочно. Человек лишался права распоряжаться собственными деньгами. По закону разрешалось проводить только ограниченные операции для обеспечения жизнедеятельности — в пределах суммы и порядка, установленных законом и подзаконными актами, но для этого нужно было пройти унижительную бюрократическую процедуру: писать заявления, добиваться проведения разрешенных операций через банк и уполномоченные процедуры, стоять в очередях в банке, где на тебя смотрели как на прокаженного.

Софья была отрезана от современной цивилизации. Она не могла оплатить коммунальные услуги, не могла купить лекарства, не могла нанять защитника. Государство связало ей руки, лишив ресурсов для сопротивления.

Но на этом система не остановилась. Ева переключилась на базу данных Департамента образования. Ей нужно было проверить статус трудоустройства объекта.

Она нашла карточку детской музыкальной школы №17. В разделе кадрового делопроизводства висел свежий приказ, подписанный директором школы вчера вечером.

«Приказ № 142-К. О расторжении трудового договора. В связи с получением информации от правоохранительных органов о признании преподавателя по классу фортепиано Руденко С.М. подозреваемой либо обвиняемой по статье экстремистской направленности, а также руководствуясь положениями Трудового кодекса РФ, исключающими возможность педагогической деятельности для лиц, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства... Отстранить от работы до процессуального решения, позволяющего определить дальнейшее основание прекращения или сохранения трудового договора в соответствии с ТК РФ, либо расторгнуть трудовой договор при наличии предусмотренного законом основания Руденко С.М. с занимаемой должности».

Директор школы не стал ждать суда. Ему не нужны были доказательства вины. Само наличие уголовного дела и ярлык «экстремистки» стали токсичными. Школа поспешила избавиться от Софьи, чтобы не навлечь на себя гнев проверяющих инстанций. Двадцать лет безупречной работы, любовь учеников, грамоты и благодарности — все это было перечеркнуто одной бумагой с печатью.

Ева откинулась на спинку кресла. Цифровой профиль Софьи Руденко теперь был окрашен в ровный, мертвенно-серый цвет. Система пометила ее как «нейтрализованную угрозу». Человек был жив физически, но социально и экономически он перестал существовать.

Вечером того же дня Ева приехала в район, где жила Софья. Ей нужно было выйти из-за мониторов. Ей нужно было увидеть реальность, которую она помогала конструировать.

Двор панельной многоэтажки выглядел так же, как и в день ее первого визита. Те же качели, те же припаркованные машины, тот же тусклый свет фонарей. Но атмосфера неуловимо изменилась. Воздух казался густым, пропитанным невидимым напряжением.

Ева подошла к третьему подъезду. Металлическая дверь была изуродована. Замок вырван с корнем, края металла выгнуты наружу. Кто-то примотал дверь к косяку толстой проволокой, чтобы она не хлопала на ветру. Это был шрам, оставленный государством на теле обычного жилого дома. Напоминание всем остальным о том, что неприкосновенности жилища не существует.

Ева села на скамейку у детской площадки, подняв воротник куртки. Неподалеку, у соседнего подъезда, стояли две женщины. Одна из них держала на поводке ту самую маленькую собачку, которую Ева видела в прошлый раз. Женщины тихо переговаривались, и ветер доносил до Евы обрывки их фраз.

— ...прямо в шесть утра, представляешь? Грохот на весь дом, — говорила женщина с собачкой, нервно оглядываясь на изуродованную дверь. — У меня аж давление подскочило.

— А я всегда говорила, что с ней что-то не так, — ответила вторая, кутаясь в пуховик. — Слишком тихая. Улыбается всем постоянно. Нормальные люди так себя не ведут.

— По телевизору сказали, что они там ячейку организовали. Литературу какую-то запрещенную читали. Хорошо, что органы вовремя сработали. А то мало ли, газ бы пустили или еще чего. У нас же дети во дворе.

— И не говори. Теперь хоть спать будем спокойно. Главное, чтобы ее обратно не выпустили.

Ева слушала этот диалог, и ей становилось физически тошно. Ни одна из женщин ни разу не произнесла имя Софьи. Для них она больше не была соседкой, с которой они здоровались годами. Она превратилась в безымянное «она», в абстрактную угрозу, в функцию.

Общество приняло правила игры с пугающей легкостью. Люди не задавали вопросов о том, почему чтение книг приравнивали к терроризму. Они не возмущались выбитой дверью. Они испытывали облегчение. Облегчение от того, что пришли не за ними. Дегуманизация завершилась успешно: жертва была исключена из человеческого круга, а ее палачи получили молчаливое одобрение толпы.

Ева подняла взгляд на окна квартиры на первом этаже. Свет там не горел. Форточка была плотно закрыта. За стеклом царила абсолютная, мертвая темнота. Больше никто не собирался там по четвергам. Больше никто не пел песни под гитару и не читал вслух о любви к ближнему.

Государство выжгло это пространство, оставив после себя лишь страх, заблокированные банковские счета и шепот соседей, боящихся произнести вслух имя той, кого система назначила врагом. Ева смотрела на темное окно, чувствуя, как холод пробирается под куртку, проникая в самые кости. Она знала, что алгоритм «Эгиды» прямо сейчас продолжает сканировать миллионы сообщений, выискивая новые цели, чтобы завтра утром очередная металлическая дверь содрогнулась от удара гидравлического тарана.

Глава 8. Историческая справка

Цокольный этаж правительственного дата-центра «Эгида» не значился на официальных планах эвакуации. Сюда не спускались лифты, а тяжелая металлическая дверь с биометрическим замком была скрыта за техническими коммуникациями системы охлаждения. Ева Левина стояла перед этой дверью в половине третьего ночи. В ее кармане лежал скопированный магнитный ключ начальника смены технического обслуживания, который она незаметно одолжила часом ранее, пока тот пил кофе в буфете.

Ей нужен был физический архив. Цифровые логи, к которым она имела доступ со своего рабочего терминала, показывали лишь текущее состояние нейросети. Они демонстрировали, как алгоритм работает сейчас, но тщательно скрывали, как именно он создавался. После того как Ева увидела, как ее код материализовался в виде вооруженного штурма квартиры Софьи Руденко, ей необходимо было найти исходную точку. Фундамент. Тот самый момент, когда математическая модель превратилась в инструмент государственного террора.

Замок тихо пискнул, приняв авторизацию, и тяжелая створка поддалась. Ева шагнула в помещение, где пахло сухим, кондиционированным воздухом и старой бумагой. В отличие от стерильных серверных наверху, здесь царил аналоговый порядок. Вдоль стен тянулись ряды металлических стеллажей, плотно заставленных толстыми папками-регистраторами. Это была документация проекта «Генезис» — первых, черновых версий аналитической платформы, разрабатывавшихся в период с 2015 по 2016 год, когда система только обучалась распознавать паттерны человеческого поведения.

Ева включила тусклый дежурный свет и пошла вдоль стеллажей, вчитываясь в корешки папок. «Архитектура баз данных», «Протоколы интеграции», «Семантические фильтры». Наконец, в самом дальнем углу, она нашла секцию с грифом «Обучающая выборка: Исторические и правовые модели».

Она сняла с полки тяжелую синюю папку, положила ее на металлический стол для работы с документами и открыла.

Внутри лежали распечатки программного кода на Python и C++, перемежающиеся текстовыми комментариями разработчиков и сканами исторических документов. Ева начала листать страницы. Ее профессиональный взгляд лингвиста и аналитика мгновенно выхватывал суть из массива технических терминов.

Разработчикам первой версии нейросети требовалась идеальная, математически выверенная модель общества, подвергающегося тотальной сегрегации. Им нужен был исторический прецедент, в котором государство успешно, шаг за шагом, изолировало бы определенную группу населения, опираясь исключительно на законные, бюрократические методы. И они нашли этот прецедент.

Ева перевернула страницу и замерла. Перед ней лежал перевод архивного документа, интегрированного прямо в комментарии к исходному коду алгоритма оценки лояльности. Это был текст, принятый в Нюрнберге осенью 1935 года.

Ева вчиталась в строки, которые разработчики использовали как базовый шаблон для настройки фильтров гражданской благонадежности:

«1. A Reich citizen is a subject of the state who is of German or related blood, and proves by his conduct that he is willing and fit to faithfully serve the German people and Reich. 2. Reich citizenship is acquired through the granting of a Reich citizenship certificate. 3. The Reich citizen is the sole bearer of full political rights in accordance with the law».

(1. Гражданином Рейха является подданный государства немецкой или родственной крови, который своим поведением доказывает, что желает и способен верно служить немецкому народу и Рейху. 2. Гражданство Рейха приобретается путём выдачи свидетельства о гражданстве Рейха. 3. Только гражданин Рейха является носителем всех политических прав в соответствии с законом).

Под документом стояли подписи Адольфа Гитлера и министра внутренних дел Вильгельма Фрика.

Ева почувствовала, как холодный воздух архива проникает под ее одежду. Она смотрела на эти строки и видела, как исторический текст трансформируется

в современные алгоритмические веса. Разработчики «Эгиды» взяли концепцию Фрика о том, что полноправным гражданином может быть только тот, кто «своим поведением доказывает готовность и способность верно служить народу и государству», и перевели ее в цифровой формат.

В современной версии программы слова «немецкая кровь» были заменены на «приверженность традиционным ценностям», а «готовность верно служить» — на «отсутствие маркеров нелояльности». Суть осталась неизменной. Государство присвоило себе право определять, кто достоин быть полноценным членом общества, а кто подлежит исключению.

Ева достала из кармана блокнот и ручку. Ей нужно было структурировать этот хаос, выстроить логическую цепочку, которую она интуитивно нащупала в последние недели. Она начала писать, опираясь на распечатки из синей папки.

Первый этап: Ярлык. Государство выбирает уязвимую группу и навешивает на нее стигматизирующий термин. В Германии это было слово «неариец». В современной России — «тоталитарная секта» или «иностранный агент».

Второй этап: Пропаганда. Медийная машина начинает методично расчеловечивать носителей ярлыка, создавая образ экзистенциальной угрозы.

Третий этап: Экспертное оправдание. Привлеченные государством ученые и специалисты подводят под политическую ненависть научную или теологическую базу, легитимизируя будущие репрессии.

Четвертый этап: Закон. Парламент принимает нормативные акты, которые формально закрепляют дискриминацию, лишая выбранную группу базовых прав под предлогом защиты общества.

Пятый этап: Исключение из общества. Жертв увольняют с работы, лишают доступа к финансовой системе, запрещают им заниматься профессиональной деятельностью.

Шестой этап: Репрессия. Физическая изоляция, аресты, тюремные сроки.

Ева смотрела на свой блокнот. Эта формула была безупречной. Она работала в тридцатых годах прошлого века, и она с пугающей точностью работала сейчас. Борьба с терроризмом, о которой так громко заявляли с трибун инициаторы новых законов, с самого начала была лишь удобным предлогом,

дымовой завесой. Никто не собирался искать реальных террористов с помощью этой сложной, многоуровневой системы. Архитектура «Эгиды» изначально проектировалась для тотального контроля над мыслями и убеждениями обычных граждан.

Берлин, ноябрь 1938 года.

Запах гари все еще висел над городом, проникая даже сквозь плотно закрытые окна Имперского министерства внутренних дел. Прошло несколько дней после Хрустальной ночи — серии скоординированных погромов, прокатившихся по всей стране. Улицы были усыпаны осколками витрин, стены синагог зияли черными провалами от пожаров.

Якоб Вайс сидел за своим массивным дубовым столом. Его кабинет, обставленный тяжелыми стальными шкафами крупповской стали, казался островком абсолютного, стерильного спокойствия посреди бушующего снаружи безумия. На столе Якоба лежал свежий документ, доставленный утренней почтой.

Это было Распоряжение об исключении евреев из экономической жизни Германии от 12 ноября.

Якоб аккуратно разгладил плотную бумагу. Текст гласил, что все предприятия, магазины и ремесленные мастерские, принадлежащие лицам неарийского происхождения, подлежат закрытию в установленные сроки, а оставшееся имущество и бизнес — принудительной «ариизации» и передаче арийским владельцам. Кроме того, на общину налагался коллективный штраф в один миллиард рейхсмарок «за ущерб», нанесенный во время погромов.

Рядом с распоряжением лежала стопка паспортов, которые Якоб должен был обработать. Согласно октябрьскому декрету, все старые документы аннулировались. Теперь Якоб брал в руки специальный штамп с красными чернилами и методично, с математической точностью, ставил на первую страницу каждого нового паспорта большую, жирную букву «J» — Jude.

Он взял очередной документ. Паспорт на имя Марты Штерн. Якоб вспомнил весну тридцать третьего года, уютную гостиную, запах

свежесваренного кофе и добрую улыбку жены доктора-педиатра. Он вспомнил, как впервые вписал их имена в новые графы своей картотеки.

Тогда он говорил себе, что просто наводит порядок. Что государство имеет право знать своих граждан.

Но сейчас, в ноябре тридцать восьмого, иллюзии рассеялись окончательно. Якоб посмотрел на стальные шкафы, возвышающиеся вдоль стен. В них хранились сотни тысяч карточек. И теперь он абсолютно ясно понимал конечную цель своей работы. Его картотека не была инструментом статистики. Она была списком на уничтожение.

Именно по его карточкам штурмовики находили адреса магазинов, которые нужно было разгромить. Именно по его спискам гестапо составляло ордера на арест и отправку людей в концентрационные лагеря Дахау и Бухенвальд. Красная буква «J», которую он сейчас ставил в паспорта, была черной меткой, лишавшей человека права на жизнь, свободу передвижения и кусок хлеба.

Якоб занес штамп над паспортом Марты Штерн. Его рука на мгновение дрогнула. Внутри него поднялась глухая, тошнотворная волна осознания собственной причастности к колоссальному, бесчеловечному преступлению. Он был винтиком, без которого эта машина не смогла бы работать. Без его аккуратных списков хаос уличного насилия никогда бы не превратился в системный, государственный террор.

Но затем сработал защитный психологический механизм, отточенный за пять лет службы. Якоб глубоко вдохнул запах канцелярского клея и мастики.

«Я не разбивал витрины, — сказал он себе, глядя на ровные ряды папок. — Я не поджигал синагоги. Я не избивал людей на улицах. Я всего лишь государственный служащий. Я исполняю закон, подписанный министром. Если закон требует ставить красную печать, я обязан ее поставить. Ответственность лежит на тех, кто принимает решения, а не на тех, кто ведет архив».

Он с силой опустил штамп на страницу. Красная буква «J» отпечаталась безупречно ровно. Якоб отложил паспорт в стопку готовых документов и взял следующий. Он убедил себя в своей невинности. Он спрятался за параграфами и инструкциями, превратив свою совесть в такой же сухой, бюрократический

бланк, как и те, что лежали на его столе. Машина продолжала работать, и Якоб Вайс был ее самым надежным, самым исполнительным механизмом.

Ева Левина стояла в полумраке московского архива, перелистывая страницы синей папки. Исторические параллели, заложенные в код программы, пугали своей откровенностью, но ей нужно было найти конкретные доказательства того, как именно эти механизмы применяются в современной правовой реальности.

Она открыла раздел, посвященный интеграции так называемого «пакета Яровой» в алгоритмы превентивного мониторинга.

Публично этот пакет законов преподносился исключительно как щит от международного терроризма. Депутаты с экранов телевизоров говорили о бомбах, радикалах и безопасности на транспорте. Но Ева смотрела на распечатки внутренних протоколов «Эгиды» и видела совершенно иную картину.

Особое внимание разработчиков нейросети было уделено не статьям о хранении данных, а поправкам в закон о свободе совести, которые прошли почти незамеченными для широкой общественности.

Ева нашла лист с прямым цитированием текста закона, который алгоритм использовал как триггер для постановки граждан на оперативный контроль. Она провела пальцем по строкам:

«3. Осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях не допускается, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 статьи 16 настоящего Федерального закона».

Ева перечитала эту фразу несколько раз. В ней не было ни слова о терроризме. В ней не было ни слова о насилии, оружии или угрозе государственному строю. Закон просто и буднично запрещал людям собираться в собственных квартирах и говорить о своей вере.

Под текстом закона в папке лежал подшитый микро-кейс — модельный тестовый пример, составленный на основе реальных правовых последствий поправок и судебной практики, на котором разработчики проверяли эффективность алгоритма в 2017 году.

«Кейс 404-В. Город Орел. Вводные данные: Система зафиксировала регулярное скопление мобильных устройств (от 10 до 15 единиц) по одному адресу в жилом многоквартирном доме в вечернее время. Аудиоперехват через микрофоны устройств выявил чтение религиозной литературы, не относящейся к традиционным конфессиям. Действие алгоритма: Объект классифицирован как незаконная миссионерская деятельность в жилом помещении согласно п. 3 ст. 24.1 закона № 125-ФЗ (в редакции Федерального закона № 374-ФЗ). Сформирован автоматический рапорт в правоохранительные органы. Результат: Проведен обыск. Участники собрания привлечены к административной и уголовной ответственности. Сеть контактов поставлена на контроль».

Ева закрыла папку. Дышать в архиве стало тяжело. Она поняла холодную и чудовищно рациональную логику создателей системы. Террористов мало, и они умеют прятаться. Строить гигантскую инфраструктуру слежки только ради них — нерентабельно для государства. Государству нужен был инструмент, позволяющий превращать обычную повседневную активность в потенциальный объект контроля.

Ограничение миссионерской деятельности в жилых помещениях стало современным правовым капканом: молитва сама по себе не запрещалась, но разговор о вере, запись встречи, приглашение нового человека или публикация в сети могли быть истолкованы как незаконная миссионерская деятельность. Люди, собиравшиеся у Софьи Руденко по четвергам, не планировали взрывать метро. Они просто пили чай и читали книги. Но закон Яровой создал условия, при которых их действия можно было признать нелегальными.

Алгоритм «Эгиды» не искал преступников. Он искал тех, кто не вписывался в стандарт. Тех, кто имел смелость сохранять внутреннюю автономию. Как только система находила таких людей, она применяла к ним закон, который был написан так широко и расплывчато, что позволял делать их виноватыми почти по умолчанию.

Вильгельм Фрик использовал риторику «защиты немецкой крови», чтобы лишить евреев гражданских прав и подготовить почву для их уничтожения. Современные российские законодатели использовали риторику «борьбы с терроризмом», чтобы расширить контроль над свободой совести, тайной переписки и частной жизнью граждан.

Слова изменились. Технологии шагнули далеко вперед, заменив картонные карточки на петабайты цифровых данных и нейронные сети. Но политический механизм узнаваемо повторял старую логику: сначала объявить группу угрозой, затем создать для нее отдельный правовой режим, а потом представить преследование как защиту общества.

Ева аккуратно вернула синюю папку на металлическую полку. Она провела рукой по холодному корешку, чувствуя фактуру плотного картона. В этих папках хранилась не просто история разработки программного обеспечения. Здесь лежало опасное свидетельство того, как современное государство способно воспроизводить старые механизмы исключения — уже не через расовые таблицы и бумажные картотеки, а через цифровые реестры, алгоритмы риска и антитеррористическую риторику.

Она выключила дежурный свет. Архив погрузился во тьму, нарушаемую лишь слабым свечением индикаторов на панели биометрического замка. Ева направилась к выходу, и звук ее шагов гулко отдавался от металлических стеллажей.

Она пришла сюда в поисках ответов, надеясь найти ошибку в коде, сбой в логике, который можно было бы исправить. Но она нашла нечто гораздо более страшное. Ошибки не было. Система работала идеально, в точном соответствии с логикой, хорошо знакомой по самым мрачным страницам человеческой истории. И Ева Левина, ведущий лингвист-аналитик, своими собственными руками помогала затачивать лезвия этой невидимой, но абсолютно реальной гильотины.

Она толкнула тяжелую дверь и вышла в коридор, где ровно гудели серверы, переваривая миллионы чужих жизней, превращая их в сухие, безжалостные списки. Тишина правительственного дата-центра больше не казалась ей признаком порядка. Теперь она отчетливо слышала в этом гуле не только звук машин, но и отголосок той старой истории, в которой бюрократия однажды уже научилась превращать живых людей в категории, списки и мишени.

Глава 9. Границы возмущения

Интерфейс семантического ядра «Эгиды» больше не напоминал звездное небо с редкими вспышками красных тревожных маркеров. Теперь это была плотная, пульсирующая багровая паутина, стремительно расползающаяся по экрану. Ева Левина сидела перед монитором, методично прокручивая списки новых объектов, взятых системой в автоматическую разработку.

Алгоритм, изначально натренированный на поиск радикалов и маргинальных групп, прошел точку невозврата. Получив расширенный доступ к массивам данных телеком-операторов, служебных баз и цифровых следов, нейросеть начала применять заложенные в нее критерии неблагонадежности ко всему населению страны. Машина не знала компромиссов, не понимала политической целесообразности и не делала скидок на социальный статус. Для нее существовали только паттерны поведения и отклонения от нормы.

Ева открыла свежий отчет об инцидентах. Внимание привлек микро-кейс номер 1104-К. Объект: Антон Сычев, 48 лет, заместитель главы департамента градостроительства одного из крупных областных центров. Член правящей партии, регулярный участник официальных митингов, человек с безупречной публичной репутацией. Суть инцидента: система проанализировала фрагмент переписки из закрытого семейного чата, полученный через резервную копию устройства и сопоставленный с метаданными связи. Сычев, обсуждая с братом распределение муниципальных контрактов, использовал нецензурную лексику в адрес губернатора и написал фразу: «Эти наверху совсем берега потеряли, гребут под себя так, что скоро все рухнет».

Сообщение было удалено отправителем через две минуты после написания. Но инфраструктура тотального хранения данных зафиксировала факт передачи, время, участников переписки и технические следы, а копия текста сохранилась в резервном контуре устройства. Нейросеть восстановила контекст, провела семантический анализ, выявила маркеры «дискредитации власти» и «прогнозирования государственного коллапса».

На следующий день профиль Сычева был передан в службу экономической безопасности. Еще через сутки в его департаменте началась внеплановая проверка, а сам чиновник был отстранен от должности.

Ева смотрела на фотографию Сычева — уверенного в себе мужчины в дорогом костюме с партийным значком на лацкане. Контроль расширился. Государственная машина, разогнавшись на незащищенных мишенях, начала пожирать тех, кто считал себя ее неотъемлемой частью. Лояльность больше не была щитом. Щитом могло быть только абсолютное молчание.

Она заблокировала терминал и направилась в кабинет куратора проекта.

Максим Орлов сидел за своим столом, внимательно изучая распечатки графиков социальной активности. Он поднял взгляд на вошедшую Еву, и в его серых глазах не отразилось ни удивления, ни раздражения.

— Ты видела утренние сводки, Левина? — спокойно спросил он, откладывая бумаги. — Интеграция новых фильтров дает потрясающую конверсию. Мы выявляем скрытые угрозы на этапе их формирования в сознании объектов.

— Я видела сводки, Максим, — Ева подошла вплотную к его столу, опираясь руками о прохладную столешницу. — Мы берем в разработку чиновников, лояльных журналистов, бизнесменов, которые спонсируют государственные проекты. Система реагирует на кухонные разговоры, на удаленные сообщения, на неудачные шутки в частных чатах. Это уже не превентивный мониторинг. Это цифровая паранойя. Алгоритм выходит из-под контроля.

Орлов усмехнулся, откинулся на спинку кожаного кресла и скрестил руки на груди.

— Алгоритм работает ровно так, как мы его настроили. Он беспристрастен. В этом его главная ценность.

— Но должен же быть предел! — голос Евы дрогнул, выдавая накопившееся напряжение. — Мы не можем посадить или уволить половину страны за то, что они шепчутся на кухнях. Где проходит граница?

Орлов выдержал долгую паузу. Он смотрел на Еву не как на коллегу, а как на деталь механизма, которая начала издавать странный, не предусмотренный инструкцией звук.

— Там, где общество еще не начало возмущаться, — произнес он медленно.
— Вот наша единственная граница, Ева.

Он поднялся с кресла и подошел к огромному окну, за которым расстилалась панорама серого, затянутого тучами города.

— Ты думаешь категориями справедливости и здравого смысла. А государство мыслит категориями ресурса и управляемости. Нам не нужна искренняя любовь этих чиновников или журналистов. Нам нужен их страх. Когда человек знает, что любое его неосторожное слово, даже удаленное, даже сказанное близкому родственнику, может быть восстановлено и лечь в его цифровое досье, он становится управляемым. Мы создаем общество, в котором каждый висит на крючке. И пока люди молча глотают аресты соседей, коллег и начальников, пока они не выходят на улицы, граница будет сдвигаться дальше. Мы будем забирать ровно столько свободы, сколько они готовы отдать без боя.

Ева смотрела на его широкую спину, обтянутую идеальной тканью пиджака, и понимала, что спорить бесполезно. Орлов не был фанатиком. Он был технократом тоталитаризма, инженером человеческих душ нового поколения, для которого люди были лишь массивом данных, подлежащим форматированию.

Берлин, октябрь 1937 года.

Осенний ветер бился в высокие окна Имперского министерства внутренних дел, швыряя в стекла пригоршни холодных капель. Якоб Вайс сидел за своим рабочим столом, освещенным тусклой настольной лампой с зеленым абажуром. Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени. Работа в отделе статистики давно перестала быть рутиной и превратилась в изматывающий, бесконечный конвейер.

Стальные шкафы вдоль стен были забиты до отказа. Картотека, которая начиналась с учета неарийцев и религиозных меньшинств, теперь разрослась до невероятных размеров.

В марте 1933 года был принят декрет против «злонамеренной дискредитации» нового правительства, а в декабре 1934 года его логика была закреплена в отдельном законе против коварных нападок на государство и

партию — Heimtückegesetz. Но к осени тридцать седьмого года машина набрала полную мощность. Гестапо требовало от ведомства Якоба все новых и новых данных для обработки доносов, которые текли рекой от бдительных граждан.

На столе Якоба лежала пухлая папка с грифом «Секретно. Для внесения в реестр неблагонадежных». Он открыл ее и достал первое дело.

Микро-кейс: Генрих Лунге, 42 года. Журналист, обозреватель одной из крупнейших столичных газет, член Национал-социалистической рабочей партии Германии с 1931 года. Человек, написавший десятки разгромных статей о врагах Рейха, восхвалявший фюрера и призывавший к жестким мерам против саботажников.

Якоб вчитался в рапорт офицера тайной полиции. Неделию назад Лунге ужинал в ресторане «Хорхер» в компании театральных критиков. Изрядно выпив шнапса, он позволил себе неосторожную фразу. Обсуждая новые квоты на распределение бумаги для типографий, Лунге наклонился к собеседникам и сказал: «Наш министр пропаганды так увлекся контролем над умами, что скоро мы будем печатать газеты на туалетной бумаге. Впрочем, для тех текстов, что нас заставляют писать, это самый подходящий материал».

Один из официантов, состоявший осведомителем в службе безопасности, передал эти слова куратору.

Якоб смотрел на фотографию Лунге, приколотую к делу. Уверенный взгляд, партийный значок, щегольские усики. Этот человек искренне верил, что его статус, его заслуги перед партией и его публичная лояльность делают его неприкасаемым. Он думал, что законы о «злонамеренных нападениях» написаны для других — для евреев, коммунистов, сектантов. Он не понимал, что Левиафан, которого он так усердно кормил своими статьями, не разбирает вкуса мяса.

Рука Якоба привычно потянулась к перьевой ручке. Он достал чистую картонную карточку и начал заполнять графы. Имя. Возраст. Профессия. В графе «Политическая благонадежность» он аккуратно вывел: «Склонен к пораженческим настроениям и дискредитации руководства Рейха. Материалы передать в гестапо для решения вопроса о превентивном заключении».

Якоб поставил печать и отложил карточку. Внутри него больше не было ни сомнений, ни попыток оправдать себя. Он чувствовал лишь ледяной,

парализующий страх. Если система способна сожрать одного из своих самых преданных рупоров за пьяную шутку в ресторане, значит, никто в этой стране не находится в безопасности. Любой взгляд, любой вздох, любая пауза в разговоре могли стать поводом для заполнения новой карточки. Якоб опустил голову на руки, слушая, как дождь барабанит по стеклу, и понимая, что однажды на этот стол ляжет папка с его собственным именем.

Москва, наши дни.

Глеб Морозов чувствовал себя хозяином жизни. Его авторская программа на федеральном канале била рекорды рейтингов. Его расследования, в которых он виртуозно препарировал жизни «врагов государства», вырывая фразы из контекста и накладывая тревожную музыку, становились поводом для громких уголовных дел. Он был голосом системы, ее самым острым и безжалостным скальпелем.

Вечером в пятницу Глеб сидел на заднем сиденье своего служебного «Мерседеса», который плавно двигался по Кутузовскому проспекту в сторону делового центра «Москва-Сити». Он направлялся на закрытый ужин с продюсерами.

В салоне играл тихий джаз. Глеб достал свой смартфон последней модели и открыл элитный, закрытый чат в защищенном мессенджере. Там состояло всего пятнадцать человек — медиаменеджеры, политтехнологи, пара депутатов. Они называли себя «Архитекторами смыслов». В этом цифровом пространстве они позволяли себе сбросить маски, цинично обсуждая то, что сами же транслировали в массы.

Разговор зашел о новом пакете ограничительных мер в сфере интернета. Один из продюсеров написал, что бюджеты на производство контента снова урезают ради закупки серверов для хранения данных.

Глеб, раздраженный тяжелым днем и предстоящими переговорами, быстро набрал текст: «Они там наверху совсем с катушек слетели с этой тотальной слежкой. Мы им рейтинги делаем, мы им лепим образ врага из каждой кухарки, а они нас же за горло держат. Эти новые посадки — чистая

паранойя. Скоро эфир вести некому будет, одни идиоты в руководстве останутся. Сами себя сожрут, дебилы».

Он нажал кнопку отправки. Сообщение появилось в чате, сопровождаемое двумя серыми галочками. Глеб заблокировал экран и откинулся на подголовник, чувствуя легкое удовлетворение от высказанной правды. Он был уверен в своей безопасности. Он использовал VPN, мессенджер считался надежным, а люди в чате были «своими».

Он не знал, что в этот самый момент в подземном бункере дата-центра «Эгида» его сообщение уже было зафиксировано через скомпрометированную резервную копию одного из участников чата и отправлено на автоматический анализ.

Ева Левина сидела за своим терминалом, когда на центральном мониторе вспыхнул красный маркер высшего приоритета. Система контроля цифровых рисков сопоставила текст, метаданные переписки и цифровой профиль отправителя.

На экране Евы развернулось досье Глеба Морозова. Статус: Публичная фигура. Уровень влияния: высокий. Семантический анализ сообщения: выявлены маркеры «оскорбление представителей власти», «дискредитация государственных институтов», «прогнозирование краха системы». Коэффициент угрозы: критический.

Логика нейросети была безупречной и безжалостной. Если обычный человек на кухне представлял минимальную угрозу, то публичный пропагандист, обладающий огромной аудиторией и связями, начавший сомневаться в курсе партии, классифицировался как вирус в самом ядре системы. Машина, обученная выявлять нелояльность, не делала исключений для тех, кто ее обслуживал.

Ева смотрела, как статус профиля Морозова автоматически меняется с зеленого на багрово-красный. Система самостоятельно, без участия человека, сгенерировала рапорт и отправила его по защищенному каналу в дежурную часть службы безопасности.

Ева посмотрела на часы. 19:45. Она знала геолокацию телефона Глеба. Он находился в башне «Федерация», на восемьдесят девятом этаже, в закрытой VIP-зоне панорамной площадки.

Внезапный, иррациональный импульс заставил Еву подняться с кресла. Ей нужно было увидеть это своими глазами. Увидеть момент, когда виртуальный код сталкивается с физической реальностью. Она накинула пальто, вышла из центра и вызвала такси.

Через сорок минут Ева вошла в башню «Федерация» и поднялась на скоростном лифте на восемьдесят девятый этаж, в закрытую VIP-зону панорамной площадки. За стеклянными стенами сияла огнями ночная Москва, раскинувшаяся внизу холодной, мерцающей картой.

Пространство было оформлено под закрытый прием: мягкий свет, высокие коктейльные столики, негромкая музыка, люди в дорогих костюмах с бокалами в руках. Ева остановилась у барной стойки, заказала минеральную воду и нашла взглядом Глеба. Он стоял у панорамного окна в компании двух мужчин, громко смеялся, жестикулировал и держал бокал красного вина. На такой высоте, среди стекла, света и московских огней, он выглядел человеком, которому принадлежит этот мир. Неприкасаемый. Элита.

Ева достала свой рабочий планшет, подключенный к закрытой сети, и открыла логи финансовых операций.

В 20:35 банк, получивший служебный сигнал о проверке клиента и риске блокировки операций, временно ограничил проведение платежей до дополнительного подтверждения.

Ева подняла глаза. Глеб как раз отошел к бару, небрежно бросив бармену несколько слов. Тот поставил перед ним новый бокал вина и протянул терминал. Глеб, не глядя, приложил телефон к считывателю. Терминал издал короткий, неприятный писк. Отказ. Глеб нахмурился, достал из бумажника платиновую банковскую карту и вставил ее в терминал. Снова писк. На экране высветилось: «Операция отклонена. Обратитесь в банк».

Лицо пропагандиста начало меняться. Уверенная улыбка сползла, уступив место раздражению. Он достал телефон, чтобы открыть банковское

приложение, но экран показал сбой подключения. Доступ к приложению требовал повторной авторизации, а код подтверждения почему-то не приходил.

В этот момент в VIP-зону вошли четверо мужчин в строгих, неприметных костюмах. Они не привлекали к себе внимания, не кричали и не доставали оружие. Они двигались между гостями с пугающей, неотвратимой точностью людей, заранее знающих свою цель.

Ева наблюдала, как они подошли к Морозову. Старший группы наклонился к Глебу и тихо, но веско что-то произнес, демонстрируя раскрытое удостоверение.

Глеб побледнел. Он резко отступил назад и задел стоявший рядом коктейльный столик. Бокал с темно-красным вином опрокинулся, вино растеклось по глянцевой черной поверхности, напоминая кровь.

— Вы в своем уме?! — его голос сорвался на фальцет, нарушив респектабельную тишину закрытой зоны. Несколько гостей обернулись, но тут же поспешно отвели взгляды, делая вид, что изучают ночную панораму за стеклом. — Я Глеб Морозов! Я работаю на федеральном канале! У меня прямой контакт с администрацией! Вы совершаете чудовищную ошибку!

Оперативник в костюме даже не моргнул. Его лицо оставалось каменным.

— Гражданин Морозов, вам необходимо проехать с нами для объяснений по материалам проверки, — произнес он ровно. — Не усугубляйте свое положение.

— Какие объяснения?! Какая проверка?! Я жизнь положил на защиту государства! Я уничтожал этих сектантов и предателей в своих эфирах! Вы не имеете права!

Один из оперативников жестко взял Глеба за локоть, применяя профессиональный болевой захват. Пропагандист охнул и обмяк. Вся его спесь, вся его телевизионная мощь испарились в одну секунду перед лицом реальной, физической силы той самой машины, которую он помогал конструировать.

Его повели к выходу из VIP-зоны. Глеб оглядывался по сторонам, ища поддержки у своих собеседников, у других гостей приема. Но люди отворачивались. Никто не хотел смотреть в глаза человеку, на котором

появилась невидимая, но абсолютно осязаемая метка прокаженного. Общество, приученное самим же Глебом к тому, что задержания всегда оправданы, сработало безупречно. Граница возмущения не была пройдена. В зале стояла тишина, нарушаемая лишь тихой музыкой и приглушенным звоном бокалов.

Ева смотрела вслед уводимому пропагандисту. Она вспомнила слова Орлова. Система не нуждалась в лояльности. Ей был нужен только страх и покорность.

Глава 10. Судебный процесс

Ева Левина прошла через рамку металлоискателя, показала паспорт приставу и поднялась на третий этаж. Зал заседаний номер 314 был небольшим, с обшарпанными стенами, выкрашенными в тусклый бежевый цвет, и рядами жестких деревянных скамей.

В дальнем конце зала располагался «аквариум» — кабина из пуленепробиваемого стекла, заменившая традиционные металлические решетки. Внутри сидела Софья Руденко.

Ева заняла место в последнем ряду, стараясь слиться с немногочисленной публикой — парой родственников и несколькими слушателями с напряженными лицами. Софья сильно изменилась за те месяцы, что провела в следственном изоляторе. Ее лицо приобрело землистый, нездоровый оттенок, под глазами залегли глубокие тени, а серое пальто, в котором Ева видела ее в последний раз во дворе дома, теперь висело на ней мешком. Но в ее позе не было затравленности. Она сидела прямо, положив руки на колени, и смотрела на судью спокойным, почти отстраненным взглядом.

Судебный процесс находился в стадии судебного следствия. За столом обвинения сидел молодой прокурор в безупречно выглаженном синем мундире. Он листал пухлый том уголовного дела, изредка поглядывая на часы. Для него это была рутина, очередная ступенька в карьерной лестнице.

— Ваша честь, — прокурор поднялся, одернув китель. — Сторона обвинения переходит к оглашению результатов комплексной психолого-лингвистической и религиоведческой экспертизы, проведенной на основании постановления следователя. Том седьмой, листы дела с двенадцатого по сорок восьмой.

Судья, женщина средних лет с усталым лицом и высокой прической, молча кивнула, не отрывая взгляда от монитора своего компьютера.

Прокурор начал читать. Его голос звучал монотонно, сухо, лишая слова всякого эмоционального окраса, превращая их в бетонные блоки обвинения.

Ева подалась вперед. Она знала, что сейчас произойдет. Она изучала эти механизмы в архивах, она видела, как они формировались в кабинетах чиновников, но сейчас теория должна была превратиться в тюремный срок.

— Перед экспертной комиссией был поставлен вопрос: содержатся ли в представленных аудиозаписях бесед подсудимой Руденко С.М. признаки возбуждения религиозной розни, пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности, а также признаки психологического манипулирования, характерные для деструктивных культов? — прокурор перевернул страницу. — Эксперты, изучив стенограммы встреч, проходивших в квартире подсудимой, пришли к однозначному выводу.

Он сделал театральную паузу, обведя взглядом зал.

— Цитирую выводы комиссии. «В речи Руденко С.М. систематически используется лексика, направленная на формирование у слушателей негативного отношения к лицам, не разделяющим убеждения данной группы. В частности, использование подсудимой словосочетаний “истинный путь”, “духовное спасение” и “мир, лежащий во зле” формирует жесткое противопоставление “мы — они”. Данная лингвистическая конструкция является классическим маркером деструктивного религиозного объединения. Утверждая, что только учение ее группы ведет к спасению, Руденко С.М. тем самым унижает человеческое достоинство представителей иных конфессий и атеистов, пропагандируя собственную исключительность».

Адвокат Софьи, пожилой мужчина в потертом костюме, резко поднялся с места.

— Ваша честь, я протестую! Защита неоднократно указывала на антинаучный характер данной экспертизы. Понятие «тоталитарная секта» не является юридическим или академическим термином. Это ярлык. Подсудимая цитировала канонические тексты. Фраза «мир во зле лежит» — это прямая цитата из Первого послания Иоанна, глава пятая, стих девятнадцатый. Обвинение пытается признать экстремистским текст Нового Завета!

— Возражение отклонено, — не поднимая головы, произнесла судья. — Суд не оценивает религиозные тексты. Суд оценивает действия подсудимой. Продолжайте, прокурор.

Ева слушала этот диалог, и у нее перехватывало дыхание от математической точности происходящего абсурда. Экспертиза сработала именно так, как задумывали ее создатели. Она взяла базовое право любого верующего человека — считать свою религию истинной — и перевернула его, превратив в уголовное преступление. Если ты веришь, что твой путь правильный, значит, ты считаешь чужие пути неправильными. А если ты считаешь чужие пути неправильными, значит, ты разжигаешь рознь. Ловушка захлопнулась. Слова о любви, спасении и вере, пропущенные через фильтры привлеченных государством лингвистов, трансформировались в признаки экстремистской деятельности.

Прокурор продолжил чтение. Теперь он перешел к анализу поведения Софьи.

— Экспертами также установлено, что подсудимая осуществляла психологическое насилие над членами группы. Это выражалось в призывах к отказу от избыточных материальных благ, регулярном посещении собраний и совместном пении, которое, согласно заключению психолога, использовалось как метод введения в трансное состояние для подавления критического мышления.

Ева вспомнила тот вечер, когда она сидела на скамейке во дворе и слушала, как из приоткрытого окна льется тихая мелодия под гитару. Люди просто пели. Они пили чай и пели. Теперь это называлось «введением в трансное состояние».

— Ваша честь, — прокурор закрыл том с экспертизой и взял со стола тонкую пластиковую папку. — Помимо экспертных заключений, сторона обвинения представляет суду результаты работы государственной автоматизированной системы мониторинга. Эти данные, по мнению следствия, доказывают системный, законспирированный характер деятельности ячейки, которую обвинение связывает с ранее признанной экстремистской организацией.

Ева почувствовала, как по спине поползла ледяная испарина. Она узнала эту папку. Это был стандартный формат выгрузки из аналитического центра «Эгида».

Прокурор подошел к секретарю суда и передал ей документы для приобщения к материалам дела.

— В материалах представлены графы социальных связей и анализ цифрового следа подсудимой. Система зафиксировала, что Руденко С.М. регулярно, с точностью до минуты, совершала звонки определенному кругу лиц каждый вторник, накануне собраний. Геолокационные данные подтверждают, что мобильные устройства этих лиц находились в квартире подсудимой по четвергам в период с девятнадцати до двадцати одного часа.

Прокурор развернул перед судьей большой лист с распечатанной схемой. Ева знала эту схему наизусть. Это был интерфейс ее программы. Красные точки, соединенные тонкими черными линиями.

— Более того, — голос прокурора зазвучал жестче, — алгоритм предиктивной аналитики, сертифицированный профильными ведомствами, присвоил данной группе критический уровень угрозы. Система выявила использование подсудимой методов шифрования: в телефонных разговорах она избегала прямых упоминаний адреса, используя кодовые фразы вроде «встречаемся как обычно» или «жду вас на чай».

Адвокат снова вскочил.

— Ваша честь! Защита требует исключить эти материалы из числа доказательств. Нам предоставляют распечатки компьютерной программы. Мы не знаем, как работает этот алгоритм. Мы не знаем, на каких данных он обучался. Программа делает вывод о конспирации только на том основании, что

люди говорят «встречаемся как обычно»! Это повседневная речь! Я требую вызвать в суд разработчиков системы для дачи пояснений!

Судья впервые оторвала взгляд от монитора. Ее глаза были холодными и пустыми.

— В ходатайстве отказать. Представленная система является сертифицированным государственным программным комплексом. У суда нет оснований не доверять техническим средствам контроля, используемым правоохранительными органами. Доказательства приобщаются к делу.

Ева сидела неподвижно, вцепившись побелевшими пальцами в край деревянной скамьи. Воздух в зале казался густым, им было тяжело дышать. Прямо сейчас, на ее глазах, происходила финальная стадия трансформации.

Ее код, ее семантические фильтры, ее математические модели, которые она писала в стерильной тишине серверной, обрели статус абсолютной, непререкаемой истины. Машина сказала, что Софья — угроза. И суд принял это как факт, не требующий доказательств. Человеческая логика, здравый смысл, контекст повседневной жизни — все это разбивалось о распечатку с красными точками.

Ева смотрела на Софью сквозь толстое стекло «аквариума». Учительница музыки сидела тихо, лишь слегка покачивая головой, словно не веря в реальность происходящего. Она не была террористкой. Она не была экстремисткой. Она была просто женщиной, которая попала в жернова системы, нуждающейся в постоянном производстве врагов для оправдания собственного существования. И Ева была тем инженером, который заточил ножи этой мясорубки до идеальной остроты.

Берлин, декабрь 1938 года.

В кабинете Якоба Вайса было холодно. Батареи центрального отопления едва справлялись с зимними сквозняками, гуляющими по коридорам Имперского министерства внутренних дел. На столе перед Якобом возвышалась стопка картонных карточек. Это были не просто анкеты. Это были списки на отправку в концентрационные лагеря.

После ноябрьских погромов государственная машина перешла от экономического удушения к физической изоляции. Гестапо требовало от отдела статистики точных, выверенных данных для формирования эшелонов и партий арестованных.

Якоб брал карточку, сверял адрес с обновленным реестром жилищного управления, ставил штамп «Проверено» и перекладывал в стопку готовых документов. Его движения были автоматическими, отработанными до совершенства. Он старался не смотреть на имена. Он смотрел только на цифры и индексы.

Но вдруг его рука замерла.

На верхней карточке значилось имя: Лео Кляйн. Возраст: 19 лет. Профессия: студент консерватории, класс скрипки.

Якоб не знал этого юношу лично. Он никогда не пил кофе в его доме, никогда не видел его лица. Но что-то в этой сухой строчке — «класс скрипки» — пробило брешь в его тщательно выстроенной психологической броне. Якоб представил тонкие пальцы музыканта, смычок, деревянный футляр. И он представил, что ждет эти руки в концентрационном лагере, куда отправлялся этот список.

Впервые за пять лет безупречной службы Якоб Вайс почувствовал, что больше не может просто поставить штамп. Тошнота подступила к горлу. Он оглянулся на закрытую дверь кабинета. В комнате он был один.

Дрожащими пальцами Якоб взял карточку Лео Кляйна. Если он не поставит штамп и не передаст ее в гестапо, за юношей не придут. По крайней мере, не сегодня. Не в этот раз.

Якоб быстро сунул картонный прямоугольник во внутренний карман своего пиджака. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в висках. Он совершил должностное преступление. Он саботировал работу государственной машины.

Он быстро проставил штампы на оставшихся карточках, собрал их в аккуратную стопку, перевязал бечевкой и положил в лоток для исходящей почты. Затем он сел в кресло, пытаясь унять дрожь в руках. Он спас человека.

Одного из тысяч, но спас. Это крошечное, невидимое действие дало ему иллюзию того, что он все еще человек, а не просто придаток стального шкафа.

Прошло три часа. Якоб уже собирался уходить на обеденный перерыв, когда дверь кабинета резко распахнулась.

На пороге стоял герр Штраубе, начальник отдела. Его лицо было красным от гнева, а в руках он сжимал длинную бумажную ленту, испещренную колонками цифр. За его спиной маячил сотрудник финансового управления в серых нарукавниках.

— Вайс! — рявкнул Штраубе, подходя к столу. — Что у вас здесь происходит? Вы решили подставить весь отдел под удар?

Якоб медленно поднялся. Холодный пот выступил на его лбу.

— Я не понимаю, герр Штраубе. Я обработал утреннюю квоту в полном объеме.

— В полном объеме?! — начальник швырнул бумажную ленту на стол. — Финансовое управление передало нам списки конфискованных банковских счетов по району Шарлоттенбург. Их ровно четыреста двадцать. Эти счета заблокированы, а их владельцы подлежат немедленному перемещению. Но в вашей выгрузке для гестапо, которую вы сдали час назад, только четыреста девятнадцать карточек!

Сотрудник финансового управления сухо добавил:

— Наша система перекрестного учета работает безупречно, герр Вайс. Мы сверяем налоговые номера с полицейскими реестрами. Недостача одного дела означает сбой в отчетности по конфискованному имуществу. Гестапо уже звонило. Они недовольны задержкой.

Якоб почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он думал, что его картотека — это изолированный остров. Он забыл, что тоталитарное государство — это единый, монолитный организм. Невозможно спрятать человека, если его банковский счет уже арестован, его квартира уже передана в жилищный фонд, а его продуктовые карточки аннулированы. Бюрократический аппарат обладал множеством щупалец, и если одно из них теряло жертву, другие мгновенно сигнализировали об ошибке.

— Мы провели сверку пофамильно, — процедил Штраубе, нависая над столом. — Не хватает карточки на имя Лео Кляйна. Где она, Вайс? Вы потеряли государственный документ? Вы понимаете, что за халатность в таких вопросах вас самого могут отправить в подвалы на Принц-Альбрехт-штрассе?

Якоб стоял ни жив ни мертв. Рука инстинктивно дернулась к внутреннему карману пиджака, где лежал кусок картона. Он мог бы сказать правду. Мог бы крикнуть им в лицо, что не хочет быть соучастником убийства.

Но он посмотрел в холодные, рыбы глаза сотрудника финансового управления. Он посмотрел на Штраубе, который уже готов был вызвать охрану. И инстинкт самосохранения, выпестованный годами страха, взял верх.

— Я... я прошу прощения, герр Штраубе, — голос Якоба дрогнул, сорвавшись на жалкий шепот. — Должно быть, она упала. Сквозняк...

Он наклонился, сделал вид, что шарит под столом, и незаметно вытащил карточку из кармана.

— Вот она. Закатилась за ножку стола. Моя вина. Недопустимая оплошность.

Штраубе выхватил карточку из его рук.

— Ставьте штамп. Немедленно. И отнесите лично в канцелярию гестапо. Еще одна такая «оплошность», Вайс, и вы пойдете следом за этим скрипачом.

Якоб взял свою перьевую ручку. Его рука больше не дрожала. Она была тяжелой, как свинец. Он с силой опустил печать на картон. Красные чернила въелись в бумагу.

Когда начальник и финансист вышли, Якоб опустился в кресло. Его микро-бунт потерпел сокрушительный крах. Система доказала свою математическую неуязвимость. Она была спроектирована так, чтобы исключить человеческий фактор. Совесть отдельного клерка не имела почти никакого значения, потому что механизмы перекрестного контроля всегда находили ошибку и заставляли механизм работать дальше. Якоб закрыл лицо руками. Он понял, что спасти кого-то изнутри этой машины невозможно. Можно только быть раздавленным вместе с остальными.

В зале московского суда повисла тяжелая, звенящая тишина. Судебное следствие было окончено. Прения сторон прошли быстро: прокурор буднично запросил шесть лет лишения свободы, адвокат произнес пламенную, но абсолютно безнадежную речь о свободе совести и Конституции.

Настало время последнего слова подсудимой.

Софья Руденко поднялась со скамьи в своем стеклянном «аквариуме». Она подошла к узкой щели в бронированном стекле, через которую звук транслировался в зал.

Ева ожидала увидеть слезы, услышать мольбы о пощаде или гневные обвинения. Но Софья была спокойна. Ее голос звучал тихо, но удивительно чисто, без малейшей дрожи.

— Ваша честь, — начала она, глядя прямо на судью. — В этом зале прозвучало много сложных слов. Эксперты говорили о деструктивности, прокурор говорил об угрозе государству. Но я обычный человек. Я всю жизнь учила детей музыке. Я верю в Бога. Я верю, что любовь к ближнему — это не экстремизм. Мы собирались у меня дома не для того, чтобы строить заговоры. Мы собирались, чтобы читать Библию и поддерживать друг друга в трудные времена.

Она сделала паузу, обведя взглядом зал. На секунду ее глаза встретились с глазами Евы. Ева инстинктивно вжалась в скамью, чувствуя невыносимый стыд.

— Если государство считает, что чтение молитв в собственной квартире — это преступление, за которое нужно сажать в тюрьму, значит, я преступница, — продолжила Софья. — Но я не испытываю ненависти ни к следователю, ни к прокурору, ни к экспертам, которые написали эти заключения. Я не испытываю ненависти к тем, кто следил за мной. Я молюсь за вас. Потому что система, которая боится песен и книг, гораздо слабее, чем кажется. У меня всё.

Судья не подняла глаз.

— Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора.

Ожидание длилось недолго. Всего через сорок минут секретарь скомандовала:

— Встать, суд идет!

Судья вошла в зал стремительным шагом, встала за кафедру и начала читать приговор. Она читала с невероятной скоростью, проглатывая окончания слов, сливая абзацы в один сплошной, неразборчивый звуковой поток. Это была защитная реакция бюрократа — быстрее проговорить ритуальную формулу, чтобы не вдумываться в ее смысл.

Ева выхватывала из этого потока лишь отдельные фразы. «...суд установил... вина подтверждается материалами оперативно-розыскных мероприятий... выводами комплексной экспертизы... данными автоматизированной системы мониторинга... не находит оснований для применения статьи семьдесят третьей...»

И затем, внезапно четко и громко:

— Признать Руденко Софью Михайловну виновной в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначить ей наказание в виде лишения свободы на срок шесть лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

В зале кто-то тихо ахнул. Родственница Софьи, сидевшая в первом ряду, закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала.

Прокурор удовлетворенно кивнул, собирая свои бумаги в портфель. Адвокат тяжело опустился на скамью, массируя виски. Двое конвоиров в бронежилетах подошли к «аквариуму». Один из них достал связку ключей. Металлический замок щелкнул с оглушительной резкостью. Дверь кабины открылась.

— Руки за спину, — скомандовал конвоир.

Софья послушно заложила руки за спину. Металл наручников щелкнул, закрываясь на ее тонких запястьях. Ее вывели из кабины и повели к боковой двери, предназначенной для спецконтингента. Она шла ровно, не оглядываясь, и только ее серое пальто нелепо топорщилось на ссутулившихся плечах. Дверь за ней захлопнулась.

Ева вышла из здания суда на улицу. В лицо ударил холодный, колючий московский ветер. Начинался мелкий, жесткий снег.

Она остановилась на крыльце, глядя на серый асфальт, покрытый грязной слякотью. В ее голове с пугающей ясностью сложилась полная картина. Судебный процесс, на котором она только что присутствовала, не был ошибкой правосудия. Он не был перегибом на местах или инициативой отдельного жестокого следователя.

Это был триумф системы. Идеально отлаженного конвейера, в котором каждый элемент выполнил свою функцию. Депутаты написали закон, позволяющий преследовать домашние религиозные встречи под видом борьбы с экстремизмом. Эксперты подвели под это псевдонаучную базу. Программа Евы нашла жертву и собрала цифровые доказательства. Прокурор зачитал их. Судья поставила печать.

Никто из них по отдельности не считал себя злодеем. Каждый просто делал свою работу, опираясь на инструкции и алгоритмы. Бюрократия размыла ответственность до такой степени, что палача больше не существовало. Палачом стало само государство, превратившееся в слепую, глухую, но всевидящую цифровую машину.

Ева достала из кармана свой рабочий телефон. На экране висело уведомление от системы «Эгида»: «Сформирован новый пакет целей. Требуется авторизация куратора».

Она смотрела на светящийся экран, понимая, что прямо сейчас, в эту самую секунду, алгоритм продолжает сканировать миллионы жизней, выискивая новые слова, новые встречи, новые поводы для того, чтобы завтра в другом зале суда защелкнулись наручники. Машина работала безупречно. И Ева знала, что больше не может просто наблюдать за тем, как написанный ею код перемалывает человеческие судьбы.

Глава 11. Тотальный порядок

Гудение серверов в аналитическом центре «Эгида» давно перестало казаться Еве Левиной звуком работающей техники. Теперь это был звук пульса.

Ровный, непрерывный ритм огромного, невидимого сердца, перекачивающего через свои кремниевые желудочки терабайты человеческих жизней.

Государство окончательно замкнуло контур контроля. То, что еще несколько лет назад казалось антиутопией, вызывало споры в парламенте и робкие протесты правозащитников, теперь стало обыденностью. Тотальная слежка растворилась в повседневности, превратившись в такой же привычный фон, как серый московский смог или шум утреннего метро. Общество больше не сопротивлялось. Оно адаптировалось, сжалось и затихло.

Ева сидела перед мерцающим экраном своего терминала, просматривая утренние сводки. Платформа работала безупречно. Ей больше не требовались громкие телевизионные расследования или публичные аресты для поддержания порядка. Страх проник на молекулярный уровень социальных связей, запустив процесс глубокой, необратимой атомизации. Люди перестали доверять друг другу.

На экране развернулся новый микро-кейс, наглядно демонстрирующий эту новую реальность. Объект: Илья Власов, 34 года, ведущий инженер-проектировщик строительной компании. Триггер внимания: резкое изменение паттернов цифрового поведения.

Ева открыла логи его активности. Власов не писал ничего запрещенного. Он не состоял в оппозиционных группах и не посещал несанкционированные собрания. Его «преступление» заключалось в другом. Вычислительная модель зафиксировала, что за последние три месяца Власов день за днем, удалял свои старые публикации в социальных сетях. Он стер фотографии из заграничных поездок пятилетней давности, удалил нейтральные комментарии под новостными статьями, отписался от десятков безобидных публичных страниц. Его цифровой след стремительно сжимался, стремясь к абсолютному нулю.

В прежние времена на это никто бы не обратил внимания. Но современная нейросеть, обученная на исторических лекалах выявления неблагонадежности, расценила эту внезапную цифровую тишину как аномалию. Программа сделала вывод: если человек так тщательно зачищает свое прошлое, значит, ему есть что скрывать, либо он испытывает скрытую враждебность к текущему политическому курсу.

Ева наблюдала, как платформа автоматически, без участия оператора, понизила индекс социальной надежности Власова на пятнадцать пунктов. Этого было достаточно, чтобы его банк в тот же день приостановил рассмотрение заявки на рефинансирование ипотеки до дополнительной проверки, а служба безопасности его компании получила автоматическое уведомление о необходимости провести внеплановую проверку сотрудника.

Власов пытался стать невидимым, чтобы выжить, но сама попытка спрятаться сделала его мишенью. Государство требовало не просто покорности. Оно требовало предсказуемой, прозрачной лояльности. Любая зона приватности, любое желание оставить свои мысли при себе теперь классифицировались как потенциальная угроза.

Ева закрыла профиль инженера. Она посмотрела на свои руки, лежащие на клавиатуре. Эти руки написали код, который прямо сейчас ломал жизнь человеку, чья единственная вина состояла в желании тишины. Тоталитарный порядок был достигнут. И Ева понимала, что находится на той самой развилке, где когда-то стояли тысячи других государственных служащих в другие, не менее темные эпохи.

Берлин, январь 1939 года.

Зима выдалась суровой. Мороз сковал улицы столицы Рейха, покрыв окна Имперского министерства внутренних дел толстым слоем причудливых ледяных узоров. Якоб Вайс стоял перед массивной дверью из красного дерева, на которой висела табличка с золотым тиснением: «Директорат департамента статистики и учета».

Он поправил галстук, глубоко вдохнул холодный коридорный воздух и постучал.

— Войдите, — раздался глухой голос герра Штраубе.

Якоб переступил порог. Кабинет начальника поражал своими размерами и роскошью. На стенах висели тяжелые гобелены, а в углу жарко пылал камин, наполняя комнату запахом горящих березовых поленьев. Штраубе сидел за огромным столом, заваленным папками с грифами высшей секретности.

— А, Вайс, проходите. Присаживайтесь, — начальник указал на кожаное кресло для посетителей. — Я вызвал вас, чтобы обсудить итоги прошедшего года.

Якоб сел, сохраняя идеально прямую осанку. Внутри него все сжалось. Он помнил каждый свой компромисс, каждую сделку с совестью. Он помнил, как дрожала его рука, когда он ставил красную букву «J» в паспорта, и как он трусливо поднял с пола карточку молодого скрипача, испугавшись гнева начальства.

— Вы проделали колоссальную работу, Якоб, — Штраубе облокотился на спинку кресла, сцепив пальцы на животе. — Ваша картотека стала образцом для всех региональных управлений. Гестапо и служба безопасности отмечают беспрецедентную точность ваших данных. Благодаря вашей скрупулезности, процесс очищения общества от чуждых элементов проходит гладко, без бюрократических сбоев.

Штраубе открыл верхний ящик стола и достал плотный лист бумаги, украшенный государственной печатью с орлом.

— Рейх нуждается в людях, которые понимают, что статистика — это фундамент национальной безопасности. Руководство министерства приняло решение о вашем повышении. С завтрашнего дня вы назначаетесь на должность старшего правительственного советника — *Regierungsrat*. Вы возглавите объединенный аналитический отдел. У вас будет свой кабинет с видом на Лейпцигер-штрассе, личный секретарь и расширенный штат сотрудников. Поздравляю, герр Вайс.

Якоб смотрел на протянутый ему приказ о назначении. В этот момент в его душе должна была произойти последняя битва. Тот крошечный, забитый в самый темный угол остаток человечности должен был закричать, напомнить о разбитых витринах, о людях, исчезнувших в концентрационных лагерях по его спискам.

Но крика не последовало. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Якоб протянул руку и взял документ.

— Благодарю вас, герр Штраубе, — его голос звучал ровно и уверенно. — Я приложу все усилия, чтобы оправдать оказанное мне высокое доверие. Государственный порядок должен поддерживаться неукоснительно.

Он вышел из кабинета начальника и направился по коридору. С каждым шагом его походка становилась все более твердой. Якоб Вайс окончательно принял правила игры. Он нашел для себя идеальное, непробиваемое оправдание. Он сказал себе: «Я профессионал. Я привожу хаос в порядок. Государство определяет закон, а я лишь исполняю его. Если не я буду вести эти списки, их будет вести кто-то другой, возможно, менее аккуратный и более жестокий. Моя работа — это просто цифры и графы».

Он вошел в свой новый кабинет. Просторное помещение, залитое зимним солнцем. Вдоль стен стояли новенькие стальные шкафы, готовые принять сотни тысяч новых карточек. Якоб подошел к окну и посмотрел на заснеженную улицу. Люди внизу казались маленькими, суетливыми точками. Для старшего правительственного советника Вайса они больше не были живыми людьми с их радостями, страхами и надеждами. Они превратились в сырье. В материал, подлежащий классификации, сортировке и, при необходимости, утилизации.

Его совесть умерла не в муках. Она угасла тихо, задохнувшись в пыли канцелярских папок и запахе сургуча. Якоб сел в свое новое кожаное кресло, достал перьевую ручку и придвинул к себе первую стопку чистых бланков. Тоталитарный аппарат поглотил его целиком, сделав своей самой надежной, самой преданной деталью.

Москва, наши дни.

Ева Левина смотрела на свое отражение в темном стекле выключенного бокового монитора. Бледное лицо, плотно сжатые губы, уставшие глаза. Ей тоже предлагали повышение. Вчера куратор проекта Максим Орлов намекнул, что руководство рассматривает ее кандидатуру на пост главного аналитика всего правительственного дата-центра. Ей обещали доступ к высшим уровням секретности, зарплату с шестью нулями и полную неприкосновенность.

Она находилась в той же самой точке невозврата, что и немецкий архивист восемьдесят лет назад. Принять повышение означало навсегда закрыть глаза на то, как ее программный код перемалывает судьбы. Это означало стать Якобом Вайсом цифровой эпохи.

Но Ева сделала другой выбор.

Она посмотрела на часы. 03:15 ночи. Время минимальной активности в здании. Дежурная смена охраны совершала плановый обход внешнего периметра, а технический персонал находился в зоне отдыха на верхнем этаже.

Ева достала из кармана куртки небольшой предмет, похожий на стандартный USB-накопитель. На самом деле это был сложный аппаратный токен, который она модифицировала в течение последних двух недель.

Ей нужно было скопировать ядро. Не просто списки жертв — они обновлялись каждую секунду и не имели юридической ценности для внешнего мира. Ей нужны были доказательства умысла. Массив данных, подтверждающий, что государственная платформа изначально проектировалась для незаконной слежки, подавления инакомыслия и автоматизированного производства обвинительных материалов.

Она вставила токен в сервисный порт своего терминала. Экран мигнул. Ева открыла командную строку и начала быстро вводить команды, обходя базовые протоколы безопасности. Она знала уязвимости этой сети, потому что сама участвовала в проектировании ее внутренних исключений и сервисных режимов.

Первым делом она запустила скрипт, который заморозил отправку логов ее текущей сессии на пульт службы безопасности. У нее было ровно двести сорок секунд до того, как автоматика заметит отсутствие пинга и поднимет тревогу. Пальцы Евы летали по клавиатуре. Она прокладывала путь к самым глубоким, защищенным директориям.

Команда на копирование.

Директория: /core/training_data/historical_baselines/

В эту папку были зашиты исторические корпуса репрессивной бюрократии: переведенные циркуляры, полицейские инструкции, архивные классификаторы и модели учета «неблагонадежных». Разработчики называли это «сравнительной базой для распознавания социальных рисков», но в реальности эти материалы показывали, какие исторические лекала были положены в основу современной системы контроля.

Команда на копирование.

Директория: /core/linguistic_filters/expert_reports/

Здесь хранились исходники. Документы, доказывающие, что псевдонаучные термины вроде «деструктивного культа» были интегрированы в программный код по прямому политическому заказу, чтобы автоматизировать производство дел против мирных граждан.

Команда на копирование.

Директория: /integration/telecom/yarovaya_protocols/

Полная техническая документация, показывающая, как именно государство использует хранимые данные операторов, метаданные, служебные запросы, резервные копии и уязвимые точки цифровой инфраструктуры для составления графов социальных связей всего населения страны, игнорируя конституционное право на тайну переписки.

На экране появилась полоса загрузки. 15%... 32%...

Ева чувствовала, как колотится ее сердце. В тишине серверной каждый щелчок жесткого диска казался оглушительным. Она понимала масштаб своего поступка. За кражу этих данных ей грозил не просто суд. Государство не прощало предательства на таком уровне. Если ее поймут сейчас, она исчезнет в закрытом следственном изоляторе навсегда.

58%... 74%...

В коридоре слышались шаги. Тяжелые, размеренные удары подошв по линолеуму. Кто-то из ночной смены охраны решил пройти через аналитический зал.

Ева замерла, убрав руки с клавиатуры. Она не могла прервать процесс — экстренная отмена мгновенно отправила бы алерт на пульт дежурного. Шаги приближались. Тень охранника мелькнула на матовом стекле двери.

89%... 95%...

Охранник остановился у двери. Ева задержала дыхание, глядя на дверную ручку. Если он войдет, все кончено.

Рация на поясе охранника коротко треснула: «Второй, проверь датчик температуры в третьем секторе, там скачок».

— Принял, иду, — буркнул охранник и зашагал прочь по коридору.

100%. Копирование завершено.

Ева выдернула токен из порта, стерла историю команд в консоли и запустила скрипт восстановления логов. Сеть снова стала цельной, не заметив, как из ее недр вырвали самое сокровенное.

Она спрятала накопитель во внутренний карман, застегнула куртку и выключила монитор. Ее рабочее место погрузилось во тьму.

Утром, когда центр наполнился гулом голосов и звоном кофейных чашек, Ева шла по коридору к выходу. В руках она несла небольшую картонную коробку с личными вещами.

Навстречу ей шел Максим Орлов. Он выглядел свежим, бодрым, излучающим ту спокойную, хищную уверенность, которая присуща людям, обладающим абсолютной властью.

— Левина, — он остановился, окинув взглядом ее коробку. — Решила взять отгул? Правильно. Тебе нужно отдохнуть перед новым назначением. Приказ уже на подписи.

Ева посмотрела прямо в его холодные, серые глаза.

— Я увольняюсь, Максим. Заявление на столе у кадровиков.

Орлов слегка прищурился. Его лицо на мгновение потеряло свое благодушное выражение.

— Увольняешься? Из «Эгиды» не увольняются просто так, Ева. Ты знаешь слишком много. Ты часть этого проекта. Посмотри вокруг, — он обвел рукой пространство центра. — Мы построили идеальный порядок. Мы защитили общество от его собственных ошибок. Мы создали среду, в которой нет места непредсказуемости. Ты должна гордиться тем, что стояла у истоков.

— Порядок, построенный на страхе и лжи, всегда пожирает своих создателей, — тихо, но твердо ответила Ева. — Вы не защитили общество. Вы превратили страну в огромную, цифровую тюрьму. И я больше не хочу быть вашим инженером.

Орлов усмехнулся, но в этой усмешке не было тепла.

— Идеалистка. Куда ты пойдешь? На улицу? К тем самым людям, которые боятся собственной тени? Они не оценят твоего благородства, Ева. Они сдадут тебя при первой же возможности, потому что мы научили их так выживать. Ты никуда не денешься от нашей сети. Она везде.

— Посмотрим, — Ева обошла его и направилась к турникетам.

Она приложила свой пропуск к считывателю в последний раз. Стеклопакеты разъехались, выпуская ее в реальный мир. Ева вышла на улицу и морозный московский воздух ударил в лицо. Город жил своей привычной, суетливой жизнью. По проспекту неслись машины, люди спешили на работу, уткнувшись в экраны своих смартфонов. Никто из них не подозревал, что каждое их движение, каждое слово, каждая транзакция прямо сейчас фиксируются, анализируются и складываются в невидимые папки.

Ева сунула руку в карман и нащупала твердый пластик. В нем хранилась правда, способная ударить по самой основе этой платформы. У нее была назначена встреча. В неприметном кафе на окраине города ее ждал человек — журналист из независимого расследовательского консорциума, чьи серверы находились далеко за пределами досягаемости «Эгиды». Передача этого массива данных могла вызвать международный скандал, поставить под сомнение легитимность тысяч уголовных и административных дел и навсегда сделать Еву мишенью для спецслужб.

Она шла по заснеженному тротуару, и в ее сознании окончательно слились воедино две эпохи. Она видела Якоба Вайса, сидящего в своем теплом берлинском кабинете, аккуратно выводящего чернилами имена обреченных на картонных карточках. И она видела Максима Орлова, стоящего перед светящимися мониторами, хладнокровно отправляющего людей в тюрьмы на основе цифровых графиков.

Бумажные картотеки прошлого и петабайты данных настоящего служили одной и той же цели. Технологии изменились, скорости возросли, но суть тоталитарного государства осталась неизменной. Ему всегда нужен был враг. Ему всегда нужен был страх. И ему всегда нужны были исполнительные, равнодушные клерки, готовые оправдать любое преступление необходимостью поддержания порядка.

Разница заключалась лишь в одном. Якоб Вайс выбрал теплое кресло и иллюзию непричастности, позволив бумажной лавине накрыть континент. Ева Левина выбрала ледяной ветер свободы.

Она подошла к перекрестку. Загорелся зеленый сигнал светофора. Ева крепче сжала токен в кармане, шагнула с тротуара и растворилась в плотной, безликой толпе, унося с собой правду, способную сломать безупречную легенду самой совершенной цифровой диктатуры своего времени.